ДБ
400
056

Ольминский М.

"1915-1916 г.г."
(Статьи до революции)

М., 1926.

М. ОЛЬМИНСКИЙ

РБ
400
О 56

1915-16

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММ. УН-ТА
ИМ. Я. СВЕРДЛОВА
МОСКВА

538140

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Коммунистического Университета им. Я. М. СВЕРДЛОВА

Правление и склад: Москва, М. Дмитровка, 6.

Телеф. №№ 5-68-57 и 3-04-87 (торг. сектор).

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ: ЦЕНА.

ЛЕНИНСКАЯ УЧЕБА—№ 1.—Орган Правления и Бюро ячейки ВКП (б) Коммун. Ун-та им. Я. М. Свердлова .— р. 50 к.

ЛЕНИНСКАЯ УЧЕБА—№ 2-3.—Орган Правления и Бюро ячейки ВКП (б) Коммун. Ун-та им. Я. М. Свердлова. .— » 75 »

Коллектив препод. Коммун. Ун-та им. Я. М. Свердлова—Учебник математики, под ред. проф. **Лившица**, Допущ. ГУС'ом . . . . . 2 » 20 »

Тимирязев, проф.—Физика, часть I. Одобрено и рекомендов. ГУС'ом . . . . . .— » 90 »

Его-же.—Физика, часть II-я. Рекомендов. ГУС'ом . . . 1 » 30 »

Бекя.—Радио-передача и прием. Физические основы . . 1 » 30 »

Пржеборовский, проф.—Краткий курс химии. Реком. ГУС'ом. 1 » 85 »

Методический сборник по курсу биологии.—Сост. коллект. преподав. Коммун. Ун-та им. Я. М. Свердлова, под редакц. **Завадовского** . . . . . 2 » 50 »

Обзор научно-популярной литературы по биологии, II перераб. и дополн. изд. под ред **Босса** и **Гремяцкого** . 1 » 50 »

Михайлов А. А., проф. — Строение и эволюция вселенной. Сборник статей . . . . . 1 » 50 »

Полак, проф.—Происхождение вселенной Популярный очерк 1 » 25 »

Кушнер.—Первобытное и родовое общества. Хрестоматия . 2 » 20 »

. 1 » 35 »

— » 85 »

— » 20 »

— » 80 »

. 1 » 10 »

. 2 » 25 »

. 1 » 40 »

. 2 » 50 »

1 » 60 »

1 » 20 »

— » 20 »

1 » 50 »

2 » — »

— » 50 »

— » 20 »

323.2 (47) „1915/16"

М. ОЛЬМИНСКИЙ

1915—1916 гг.

(СТАТЬИ ДО РЕВОЛЮЦИИ)

121/3

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 58040/8V

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУН. УН-ТА
ИМ. Я. М. СВЕРДЛОВА—МОСКВА—1926

Отпечатано в Тверской Гостипографии
им. Карла Маркса
Главлит № 58392.
Тираж 3000.

ОТ АВТОРА.

К лету 1915 года в Саратов постепенно с'ехались товарищи: В. П. Ногин, В. П. Антонов, М. Ольминский, Г. И. Оппоков (А. Ломов.), В. П. Милютин и некоторые другие. Конечно, не могли сидеть смирно, несмотря на очень тяжелые полицейские условия. Устная агитация велась, главным образом, в рабочем просветительном обществе «Маяк». Печатная—через газетку «Наша Газета» (вышло девять номеров). Кроме того, выпустили сборник—«Под старым знаменем».

В сборник вошли статьи: М. Фабричного (В. П. Ногина)—«Борьба за колонии» и «Современное положение пролетариата Западной Европы»; В. Павлова (Вл. П. Милютина)—«Два направления»; И. Степанова—«О парламентском блоке»; А. Витимского и М. О. (М. Ольминского)—«Первые итоги» и «Облетели цветы» (о войне и о «прогрессивном блоке»); Б. Авилова—«Экономические перспективы» и А. Ломова—«В мире конкуренции» [1]).

Результаты всей этой деятельности не замедлили сказаться: А. Ломов и В. П. Антонов попали в глухое село Иркутской губернии, а уцелевшие: В. П. Ногин, М. Ольминский и В. П. Милютин, перебрались в Москву.

В Москве образовалась литературная группа, вступившая в обязательные отношения с русским бюро ЦК партии. Отдель-

---

[1]) Сборник «Под старым знаменем». Саратов, 1916 г. Перепечатан с цензурными урезками: «Под старым знаменем»—книгоиздательство «Жизнь и Знание», Петроград, 1917 года. Экземпляр саратовского издания попал за границей в руки т. Ленина и сохранился с его отметками. Поскольку эти отметки сделаны в виде словесных замечаний к моей статье—«Первые итоги»—они приведены здесь в виде примечаний.

ными лицами из группы редактировался журнальчик—«Голос Печатного Труда» и напечатан сборник—«Прилив». «Прилив» заключал в себе статьи: А. Михайловича (Я. М. Свердлова)—«Раскол в германской социал-демократии»; Н. Константинова (Н. Ленина)—«Под чужим флагом»; И. Степанова—«Н. Суханов о наших направлениях»; М. Ольминского — «Планы русских либералов»; В. Павлова (В. П. Милютина) — «На новом пути» и М. Фабричного (В. П. Ногина) — «Война и экономическое положение рабочего класса». Мне пришлось портить статьи т. т. Ленина и Свердлова, применительно к требованиям цензуры [1]).

Относительно «Нашей Газеты» и «Голоса Печатного Труда» были напечатаны подробные статьи т. Лелевича и т. Антонова в журнале Истпарта—«Пролетарская Революция», № 4 (16) 1923 г. Если присоединить к этим изданиям коллективно-легально, литературы рабочий журнал—«Вопросы Страхования», с трудом выходивший в свет в Петрограде (Ленинграде), то, по моим сведениям, этими изданиями и исчерпываются издательства 1915 и 16 годов определенно большевистские.

Следует особо сказать несколько слов о кооперативном журнале «Наше Слово», издававшемся в Кинешме, и «Прикубанские Степи», издававшемся в Екатеринодаре. Относительно «Нашего Слова» была напечатана в «Пролетарской Революции», № 1 (36) 1925 г., статья Д. Малютина. Там и в конце имеется неточность: меньшевики не жаловались Ольминскому на Малютина, а Ольминскому попала в руки «Наше Слово» с очень неудачными статьями. Не зная Малютина, я написал резкое письмо в редакцию. Малютин показал это письмо и заявил об отставке. Отставка не была принята, а вместо того я был вызван в Кинешму для инструктирования. Повидимому, расхождения между большевиками и меньшевиками произошло уже после революции, «в дни керенщины», как говорит сам т. Малютин. Были ли в этом журнале мои статьи? Надо думать, что были,—раз я был вызван в качестве инструктора. Но мне не удалось установить этого — не удалось видеть журнал.

---

[1]) Сборник был задержан цензурой перед самыми февральскими днями. Революция «амнистировала» его, и он быстро был распродан. В 1919 г. сборник переиздан книгоиздательством «Коммунист», в Москве.

Что касается «Прикубанских Степей», то номер журнала попал ко мне также случайно. И так же случайно, как и в «Нашем Слове», я встретил там передовицу совсем небольшевистскую. В обоих случаях причина одна—оторванность захолустья от центров. Я не знал, что это за журнал, но на всякий случай послал письмо в редакцию и статейку, которая оказалась напечатанной в качестве передовицы.

Наконец, следует сказать и о петроградском толстом ежемесячном журнале—«Летопись». Издателем был М. Горький, редактором политического отдела—не партийный Суханов. Журнал казался сначала приличным, не патриотическим. Я послал для пробы статейку осведомительного характера. Нельзя сказать, что она была изуродована в литературном смысле; но от Ольминского осталось три четверти, а от Суханова прибавилась четверть. И я решил прекратить сотрудничество.

В заключение мне хотелось бы обратить особое внимание читателей на «возрождение крепостного права» в начале 1917 года, о котором говорится в номерах «Голоса Печатного Труда»—(стр. 65 и след.) и в статьях, напечатанных в газете «Прикубанские степи», стр. 106—8. Это «возрождение» проливает свет на то единодушие, с которым встретили революцию солдаты, крестьяне и рабочие. Нужно только иметь в виду, что если о «возрождении» заговорили в печати в январе 1917 года, то это означает, что нравы крепостного права уже получили право гражданства значительно раньше.

На это имеется указание в статье В. П. Ногина о «Всероссийском Бюро Труда». (См. журнал «Третий Элемент». № 1—2—журнал земских и городских служащих. Москва, 24-го января. Год не проставлен, но из содержания видно, что этот № вышел в 1917 г. Имеется в Истпарте). В «Бюро» подобралась более или менее честная публика, произвела расследование условий труда рабочих в предприятиях либеральных Земского Союза, Городского Союза и их об'единения (Земгора),—и вот что писал т. Ногин о результатах расследования, произведенного в первой половине 1916 года.

«Проявление крепостнических тенденций некоторыми местными Комитетами Союзов, пользовавшимися стесненным положением беженцев и способствовавших их прикреплению к местам и принимавших меры к их принудительному труду при условии нищенской заработной платы, заставило работников

Бюро Труда выступить с разоблачением этих тенденций. С еще более вопиющим позором работники В. Б. Т. встретились, работая по поставке крупных партий рабочих. Эта работа в первые месяцы существования Бюро была его главной работой, она придавала ему характер крупной конторы найма рабочих для предприятий Союзов, железных дел (дорог?) и военного ведомства. Недостаток места не позволяет говорить подробно о том, с чем пришлось при этом столкнуться работникам Бюро. Отметив лишь тот факт, что после внимательного обсуждения обнаруженных условий работы в дружинах «Земгора» и в других аналогичных предприятиях, ответственные работники постановили временно прекратить поставку рабочих в эти предприятия. Если, говоря об условиях, в которые были поставлены беженцы в некоторых местах, приходилось называть их «крепостническими», то в данных случаях это слово было слабо. Помимо низкой заработной платы и антисанитарных условий, были обнаружены не только систематическое грубое обращение, но и побои и порка рабочих».

Расследование было напечатано, а «Бюро Труда» все-таки закрыто. Желательно, чтобы товарищи, которые будут писать статьи об условиях наемного труда непосредственно перед революцией, постарались бы ознакомиться как со статьей тов. В. П. Ногина, так и с самим отчетом, о котором он писал.

М. ОЛЬМИНСКИЙ.

14 мая 1926 г.

СТАТЬИ ИЗ СБОРНИКОВ:

„ПОД СТАРЫМ ЗНАМЕНЕМ“
Саратов, 1916 год.

„ПРИЛИВ“. Москва, начало 1917 года.

„ГОЛОС ПЕЧАТНОГО ТРУДА“
Журнал. Москва, 1916—1917 г.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ.

Вопрос о том, скоро ли кончится война, остается слишком не ясным. Он сменяется понемногу другим: перевалила ли, по крайней мере, война на вторую половину? Некоторые газеты и на этот вопрос склонны отвечать отрицательно. Так, например, газета «Речь», чуть ли не самая воинственная из русских газет, все время сулит еще очень продолжительные военные действия, без просвета в близком будущем. Наряду с этим проскальзывают и менее безнадежные предсказания. Так, например, министр иностранных дел С. Д. Сазонов высказывал уверенность или, по крайней мере, надежду, что заключение мира состоится в течение 1916 года, следовательно, мы переживаем уже вторую половину войны.

Рядом с заявлением Сазонова мы встречаем явления, о которых раньше не было слышно. В печати и разных учреждениях все чаще заходит разговор о мерах, которые придется принять по окончании войны. Например, в бюджетной комиссии Государственной Думы принято пожелание об учреждении теперь же особого совещания, которое должно разработать вопросы, связанные с защитой интересов России при ликвидации войны; кроме того, комиссия признала н е о т л о ж н ы м и подготовку и обсуждение вопроса о будущем экономическом развитии России. Заговорили и газеты о необходимости скорейшей разработки плана ликвидации экономических последствий войны. При этом сообщается, что немцы, к моменту заключения мира, уже готовят запасы товаров, которые они намерены двинуть в Россию, Англию и Италию. Говорят, что, по расчетам финансистов, у Германии хватит средств только до августа 1916 года и что к этому месяцу там готовится открытие мирных переговоров.

С прекращением войны связано возобновление торгового договора России с Германией,—и мы слышим, что с 13 января при Совете с'ездов представителей промышленности и торговли возобновились работы комиссии по пересмотру торговых договоров, состоящей под председательством члена государственного совета В. И. Тимирязева.

Весной предполагается в Париже конференция представителей Франции, Италии, Англии и России для выработки основ будущих взаимных экономических отношений; и в Англии, по сообщению газеты, уже «лихорадочно» готовятся к этой конференции. За скорейшее образование у нас особого совещания по этим же вопросам высказываются многие члены Государственной Думы и Государственного Совета.

Мы могли бы привести и еще немало указаний на то, как в воюющих странах «ускоренно», «спешно», «лихорадочно» готовятся к тому положению, которое должно создаться по заключении мира. Очевидно, настает уже пора не только гадать, но и работать в расчете на восстановление более нормальных международных отношений. Вместе с тем создается и возможность подведения первых итогов.

В настоящей статье мы ограничиваем общую задачу подведения итогов очень тесными рамками. Мы попытаемся лишь дать краткий очерк перемены взглядов и настроений либерального русского общества, поскольку они имели случай найти свое выражение в печати.

Читатель помнить те чаяния, с которыми вошла в эпоху войны наша российская интеллигенция и ее выразительница—либеральная печать. Основой этих чаяний являлась, конечно, уверенность в победе. Победа сулила:

1) уничтожение милитаризма в Европе;

2) освобождение угнетенных национальностей и перестройку государственных границ по принципу национальности;

3) расширение государственной территории России;

4) контрибуцию, которая с избытком покроет все расходы по войне;

5) новый торговый договор, который закроет или до последней возможности затруднит ввоз в Россию изделий заграничной промышленности, даст новый толчек к развитию нашей промышленности и облегчит вывоз из России продуктов сельского хозяйства, и

6) демократизацию России, как результат победы демократических Франции и Англии над более отсталой в этом отношении Германией.

В какой же мере эти надежды находят себе выражение в тех подготовительных работах, которые предпринимаются в настоящее время?

Относительно того, что победа над Германией приведет к уничтожению милитаризма в Европе, более серьезная печать уже в самом начале высказывалась очень скептически; например, в «Вестнике Европы» прямо указывалось, что эта надежда ни на чем не основана. В настоящее время лишь наиболее легкомысленные из газетчиков и наименее разбирающиеся в политике обыватели могут говорить об уничтожении милитаризма. Косвенным показателем отношения к этому вопросу служат статьи и разговоры о будущих финансах России. Все говорят о колоссальном увеличении будущаго бюджета, и никто, ни единым словом, не обмолвился о возможности сокращения его путем исключения расходов на армию и флот. Человека, который публично предложил бы такое исключение, приняли бы за сумасшедшего даже люди, безусловно уверенные в полном поражении Германии.

Впрочем, в «Русских Ведомостях» (от 20 января) С. Котляревский все же надеется... «Самые финансовые условия,—говорит он,—не позволят поддерживать милитаризм в старых масштабах». Такая надежда хуже отчаяния. Надеяться на сокращение военных расходов только на том основании, что эти расходы уже привели в течение войны к финансовому разорению—это то же, что бороться против милитаризма путем истребления в своей стране людей, способных носить оружие. А что же думает С. Котляревский о росте милитаризма в тех странах, которые не будут разорены настоящей войной и не успеют покалечить хорошей доли своего мужского населения? Ведь и он согласен, что нынешняя война, во всяком случае, война не последняя!..

Если потерпели полный крах надежды на уничтожение милитаризма, то не лучше, в итоге полуторогодового взаимного истребления народов Европы, обстоит дело и с принципом освобождения национальностей. Впрочем, с этим принципом с самого начала не все обстояло благополучно. Больше всего о нем трубили кадеты и примыкающие к ним господа из бывших социал-демократов. Но все их речи уже в начале войны напоминали

известный анекдот об Ирландии. Ирландия, в острый период борьбы против англичан, возбуждала восторженное сочувствие в не-английских странах. Когда же этим друзьям национального освобождения напоминали, что и в их собственной стране имеются угнетенные нации, то они отвечали: «То Ирландия, а то мы!» [1]).

Так и в наши дни горячий сторонник «национального самоопределения» А. Потресов видит несчастие государства в том, что оно при известных условиях может, по его саркастическому выражению, «доразвиться» (т.-е. сократиться) до этнографических границ, до географического предела господствующей национальности; по отношению к национальному самоопределению он твердо держится, как и Г. Плеханов, правила: «То Ирландия, а то мы!»

Другой проповедник национального принципа П. Н. Милюков еще год назад проповедывал не освобождение и об'единение, а покорение и раздробление армянской нации ради устранения «экономического и политического соперничества» между Россией и другими нациями.

Но даже частичное, даже половинчатое проведение принципа национального самоопределения начинает пугать недавних проповедников этого принципа. Они испугались собственной тени и бьют отбой. «Карта мира не должна стать только этнографической картой», «содержание событий было бы более бедным, если бы оно исчерпывалось чистой этнографической борьбой»,—проповедует теперь «Русская Мысль» (1915 г. № 12, стат.—«На старом рубеже»). Другие же либеральные органы печати или замалчивают этот вопрос, или же подменяют его вопросом о равноправии [2]).

Вопрос о равноправии был затронут, в ожидании созыва Государственной Думы, в Совете старейшин Думы. Здесь члены мусульманской группы подняли вопрос об отмене ограничений в правах мусульман; они не встретили отклика со стороны представителей фракций, вошедших в блок [3]). Лишь стоящие вне блока с.-д. предложили внести в программу занятий Думы вопрос об отмене всех национальных ограничений. Кроме мусульман, подняли тот же вопрос и поляки—специально по отноше-

---

[1]) Рукой В. И. Ленина—на полях написано по-французски: „bien dit"—«хорошо сказано».

[2]) Рукой В. И. Ленина поставлена NB.

[3]) Тоже.

нию к полякам. Тут произошел любопытный обмен мнений между крайним правым курским депутатом Марковым 2-м и кадетом П. Н. Милюковым. Приводим их заявления по отчету «Речи» от 29 января, воздерживаясь от всяких пояснений.

Н. Е. Марков 2-й. Все знают, что многие представители польского народа склоняются в настоящее время к самостоятельности Польши. Поэтому устранять теперь ограничения для поляков может быть преждевременно, потому что наши друзья могут оказаться иностранными подданными. Оговариваюсь, что своего личного взгляда я не высказал, а говорю лишь предположительно.

П. Н. Милюков. Доводы курского депутата могли бы иметь то или иное значение лишь при предположении, что война окончится для нас неудачно. Между тем, к счастью, никаких оснований для таких предположений нет, и польский вопрос должен быть выдвинут уже теперь.

Как видим, с вопросом национальным у наших либералов произошло то же, что и с вопросом о ликвидации милитаризма: оба эти вопроса в свое время, когда было нужно, сыграли агитационную роль; а теперь, по мере приближения к развязке, они отброшены в сторону за ненадобностью. Нельзя того же сказать о третьем из поставленных нами вопросов—вопросе о расширении государственной территории России.

Как известно, наиболее ярким из числа кабинетных Вильгельмов-Завоевателей в России выступил П. Н. Милюков. Он проповедывал присоединение к России Галиции и части Венгрии, всей австрийской Силезии и германской Силезии, Познани, Восточной Пруссии и части Западной Пруссии, части Балканского полуострова с Константинополем, Адрианополем и Галлипольским полуостровом, побережья Малой Азии по Босфору, Мраморному морю и Дарданельскому проливу, всей Великой Армении и Трапезундского вилайета. При этом вождь кадетов очень мало стеснялся национальностью и национальными пожеланиями жителей областей, подлежащих присоединению к России.

Проекты Милюкова, конечно, не встретили в свое время возражений со стороны других либералов: Милюков лишь выразил их общее настроение. Только через год, когда Болгария присоединилась к германцам, в печати стало появляться выражение сожаления о том, что завоевательными планами на Бал-

канах русское общество оттолкнуло от себя общественное мнение балканских государств и толкнуло Болгарию в об'ятия германцев... Но эти сожаления касались только Балканского полуострова; притом исходили они не от влиятельных либеральных вождей и групп, а от случайных корреспондентов или от журнала «Русские Записки», занимающего особую позицию. В общем и целом нужно признать, что планы кадетского Вильгельма-Завоевателя и его единомышленников остаются и в начале 1916 года лозунгом русских либералов.

Тем с бо́льшим удивлением прочли мы в одном сборнике, рекламирующем себя, как «марксистский», заявление Е. Маевского, будто бы только «на первых порах» кадеты и другие либералы строили завоевательные планы. Маевский признает, что «делу обороны» немало вреда принес либеральный «разгул безудержного и крикливого шовинизма», и хочет, очевидно, уверить, что теперь никакого шовинизма, никаких завоевательных планов русские либералы уже не питают. Подобное уверение, явно идущее в разрез с фактами, заставляет нас обратить невольное внимание на позицию самого Маевского и его единомышленников. В наши дни в таких вопросах маленькая подозрительность обязательна...

В том же сборнике находим указание П. Маслова на стремление «некоторых» кругов общества к «завоеваниям и аннексиям».

Опять странность! Если это стремление присуще только «некоторым», то не потрудится ли П. Маслов указать те более широкие и более влиятельные круги буржуазного общества, которые обнаружили противодействие «некоторым»? Мы таких кругов, сколько-нибудь влиятельных, не знаем; не знает их, очевидно, и сам Маслов, если даже своим собственным единомышленникам он считает нужным посоветовать «отграничение от националистических завоевательных поползновений буржуазии» и рекомендует отказ от «притязаний и покушений на независимость соседних стран».

Наконец, в том же сборнике из статьи Левицкого мы узнаем, что дело идет о «спасении страны», [когда на самом деле оно шло лишь об отказе от некоторых, уже сделанных раньше, завоеваний [1]).

[1]) Рукой В. И. Ленина написано на полях: «верно» и поставлена NB.

Все эти смягчения завоевательных планов русской буржуазии, как и подстановка Левицким одного положения, не соответствующего истине, вместо другого, отвечающего действительной обстановке, еще не дают нам права зачислить Маевского, Маслова, Левицкого, Потресова и их друзей в один лагерь с Вильгельмами-Завоевателями из кадетского лагеря. Их позиция скромнее и менее искренняя. Ближе всего она напоминает позицию тех современных германских политиков, которые протестуют против отчуждения каких бы то ни было земель из числа «обагренных немецкой кровью». Самое же осуществление завоеваний Потресов, Левицкий и Маевский предоставляют делать и проповедывать другим, лишь смягчая в глазах читателей воинственные притязания этих «других» [1]).

Правда, Маслов рекомендует отграничение от Вильгельмов-Завоевателей. Но характерно, что для такого отграничения нашлось в целой книге лишь несколько строк, а вся остальная часть книги посвящена отграничению от тех, кто является действительным противником завоеваний...

Все это дает нам повод думать, что завоевательные планы русского «общества» не только не исчезли, но скорее сделали новые завоевания общественного мнения в лице Потресова, Плеханова и их товарищей. Поэтому совершенно напрасно Н. Иорданский («Совр. М.» № 12) считает неуместным желание Н. Рожкова выяснить на этот счет потресово-плехановскую позицию, уверяя, будто отказ от завоеваний сам собой разумеется. Всего менее он «разумеется сам собою» по отношению к Н. Иорданскому, который откровенно перешел уже на службу к буржуазии (см. ст. «Народ на войне» в № 5 «Совр. М.»).

Мы не встречаем отказа от планов территориального расширения России. Зато в вопросе о контрибуции можно констатировать несколько странное положение. Контрибуция—наиболее грубый и понятный обывателю результат победоносной войны. Поэтому получение контрибуции является лозунгом, наиболее привлекательным для обывательской массы. Серьезная же политическая печать считает, повидиму, не совсем приличным много говорить об этой вещи. О ней не говорят, но ее учитывают. И в первый период войны на ее получении строились расчеты на блестящее финансовое будущее. Скептики

[1]) Рукой В. И. Ленина на полах написано по-французски: «très bien»—«очень хорошо».

замечали, что с побежденных стран, истощенных войной, нечего будет взять. Им возражали, что вместо получения наличными деньгами всей суммы, можно будет «наложить руку» на такие доходные статьи, как железные дороги или почта, или же зачесть в уплату наши государственные долги Германии или, наконец, принять часть дани натурою: пушками, снарядами, военными кораблями.

С затяжкой войны финансовый вопрос становится все более жгучим. Почти нет номера газеты, в котором не говорилось бы о нем. Вот как характеризует положение дела автор передовицы «Русских Ведомостей» в № от 19 января 1916 года:

«Финансовый вопрос растет не по дням, а по часам. В последнее время каждый час войны обходится России около или даже свыше миллиона рублей. Из этих миллионов быстро вырастают сотни миллионов и миллиарды. Миллиарды громоздятся друг на друга. А между тем война затянулась. Войне еще не видно конца. И не видно конца также и этому беспримерному, чудовищному нагромождению миллиардов. Финансовый вопрос приобретает значение совершенно исключительное для всей будущности нашей страны. Война оставит после себя тяжелое наследие в форме неслыханной суммы государственного долга. Платежи по этому долгу потребуют огромных сумм. Крупные суммы, приблизительно 350—400 миллионов рублей в год, понадобятся также на расходы по пенсионному обеспечению участников нынешней войны и их семейств и на разные другие расходы, связанные с ликвидацией войны и ее последствий. Откуда взять эти средства и как их достать, не нанеся непоправимого ущерба экономическим силам страны—вот вопрос, который стоит теперь перед нашими законодательными учреждениями, перед правительством, перед русским народом».

Очевидно, автор статьи совершенно не учитывает контрибуции, которая, по прежним расчетам, должна была покрыть не только все расходы на войну, но и все убытки, которые понесет население. Но если забыли о ней «Русские Ведомости», то не забыл крайний правый, член Государственного Совета, В. И. Карпов. В заседании финансовой комиссии он предложил обратить внимание, как на источник дохода, на контрибуцию с Германии.

И что же? Какой прием встретило это напоминание, сделанное человеком, уверенным в полной, решительной и окончательной победе над Германией? Даже в самом Госуд. Совете Карпов не встретил сочувствия, а в либеральной печати его подняли на-смех. В одной крупной либеральной газете появилась даже статья—«Серьезные люди», полная издевательств над В. И. Карповым. Его насмешливо назвали «мудрейшим из старцев Госуд. Совета», называли его предложение «гениальным по простоте», хохотали, что Карпов «говорил совершенно серьезно», что его слова «не были святочным гаданием», «трогательная серьезность» Карпова сравнивалась с такой же «серьезностью» администратора, запретившего подчиненным брить усы. И все это издевательство над расчетом на контрибуцию исходило от газеты, проповедующей войну до конца, выражающей уверенность в полной, решительной и окончательной победе.

Такую же уверенность мы находим на страницах «Русских Ведомостей» и других органов нашей периодической печати. И в то же время все они, точно сговорившись, или молчат о контрибуции, или издеваются над расчетами на нее. Как это об'яснить? Во всяком случае, дело об'ясняется вовсе не нежеланием получить.

Финансовые задачи будущего приводят нас непосредственно к пятому из числа поставленных нами в начале статьи вопросов—к вопросу о новых торговых договорах и об ограждении российской промышленности от иностранной конкуренции. Здесь не место развивать наши собственные взгляды на роль таможенного покровительства. Мы излагаем лишь то, что наблюдается сейчас в буржуазном лагере в связи с этим вопросом.

Уже теперь в руководящих политических кругах нашей буржуазии идет речь о том, чтобы как можно скорее учредить особое совещание для выяснения основ нашей будущей международной торговой политики. Газета «День», от 14 января, передает содержание беседы с «одним из членов кабинета, призванным играть руководящую роль в учреждаемом особом совещании по выработке плана нашей финансовой и экономической политики на ближайшее пятилетие». Следовательно, спешность вопроса признается не только руководящими политическими кругами Гос. Думы и Гос. Совета, но и министерством. Что же поведал сотруднику «Дня» министр, которому предстоит руководить совещанием?

По его словам, главнейшей задачей совещания является подготовка материалов к мирным переговорам. Будет обращено все внимание на выработку условий нашего внешнего товарообмена. Министр полагает, что в результате мира Россия получит «в своих экономических отношениях с другими странами т а к у ю ж е с в о б о д у, какой она пользуется в отношениях с союзными державами». «Но,—продолжает министр,—на этом пути мы встречаемся с серьезными трудностями и препятствиями. У нас нет экономической слабости, но у нас есть другая слабость, обязывающая нас—это наша задолженность. Это обстоятельство налагает и отчасти уже наложило на нас известные обязательства, и так как это касается союзников, то дело осложняется». В виду «осложнения», вызываемого задолженностью по отношению к союзникам, необходимо справиться о намерениях этих союзников.

В Англии, как и в России, уже поднят вопрос о торговых задачах, которые возникнут после войны. Член палаты общин, Ренсимен, в декабре 1915 г. выразил, повидимому, общее настроение, когда сказал:

«В отношении торговли Германия должна считаться окончательно побежденной. Ныне на обязанности англичан лежит не дать ей вновь поднять голову после войны».

В Париже еще в прошлом (1915 г.) комиссия сенатора Мелина наметила ряд мер к развитию торговых сношений между Россией и Францией в целях недопущения в эти страны продуктов германской промышленности. Для более широкой постановки вопроса об экономических отношениях предполагается весной 1916 г. созыв в Париже особой конференции союзников. Предполагается достичь полного согласования и об'единения всех экономических и финансовых мероприятий союзников («День», 15 января 1916 г.).

Об'единение и согласование—вещи, вообще, хорошие. Почему же в беседе с сотрудником «Дня» министр проявил некоторую тревогу в ожидании «осложнений»? Ответ находим в передовице «Русских Ведомостей», от 28 января. В чем может заключаться сближение (т.-е. первое условие «согласования и об'единения»)?—ставит вопрос автор статьи и указывает на возможность более близких торговых отношений. Но для этого Россия должна облегчить доступ к себе английских и французских фабрикантов. А что могут дать взамен таможенных

льгот Англия и Франция? В Англии таможенное обложение отсутствует и никаких облегчений русского ввоза она не может сделать. А Франция могла бы, но ей не нужны наши товары—сырые продукты сельского хозяйства.

Таким образом, изолирование Германии поведет к потере рынка для русского сырья и хлеба и к облегчению на русском рынке конкуренции иностранной промышленности, то-есть к тому, чем запугивали нас Н. Маслов, Плеханов и другие, говорившие о превращении России в колонию. С чисто экономической точки зрения стоит отметить, что в результате предполагаемого сближения получается увеличение ввоза в Россию и сокращение вывоза из России, т.-е. увеличение пассивности торгового баланса. И это при увеличившейся задолженности, при возросших платежах по заграничным займам.

Положение невозможное. Где же исход? В той же, уже цитированной нами, статье «Р. Вед.» в виде «компенсации» за облегчение ввоза в Россию английских и французских товаров испрашивается помощь Англии и Франции их капиталами, то-есть проектируется новое увеличение задолженности. Эта статья в высшей степени любопытна не только по содержанию, но и по тону. Мы должны поэтому еще остановиться на ней.

В статье подчеркивается, что Россия должна «всячески считаться с интересами и желаниями» Англии и Франции. Но в этих странах, повидимому, смотрят иначе. Это следует заключить из дальнейшего текста статьи:

> «Но—сказано в ней,—в экономических соглашениях между государствами, когда они продиктованы не силой, обычно устанавливается известное равновесие выгод, полученных каждой из стран. И с этой точки зрения в п о л н е л о й я л ь н о, по отношению к нашим союзникам, спросить, какие выгоды мы можем получить от них, и какие мы можем им предоставить».

Автор, как будто боится, что англичане и французы не склонны к признанию равновесия выгод, а предпочтут диктовать свои условия соглашения силой; в то же время он опасается противоречить им и униженно просит их признать лойяльность самой постановки вопроса о равновесии выгод. Далее он просит англичан и французов в награду за таможенные преимущества снабдить нас капиталом. «Нам очень трудно будет,—плачется он перед союзниками,—выйти из финансовых

затруднений». «Без ваших капиталов,—умоляет он,—нам даже и не справиться с трудностями мира».

Кажется, никогда еще в «Русских Ведомостях» не появлялось статьи такой униженно-просящей. Это не язык независимой газеты, а язык или рептилия, или жертвы ростовщичества. А что если европейский капиталист не склонится на униженную мольбу наших либералов? Ведь в таком случае, как они сами признаются, «нам даже и не справиться с трудностями будущего мира». Что же получится тогда в результате «освобождения от засилия»? И еще вопрос: согласятся ли наши аграрии—помещики с легким сердцем лишиться германского рынка для продуктов сельского хозяйства, когда не имеется в виду замены его другим рынком?

Как видит читатель, международное экономическое и финансовое положение России становится настолько запутанным, что не даром видный министр высказал сотруднику «Дня» опасение осложнений.

Остается сказать несколько слов о последнем из поставленных нами вопросов, об ожидающейся, в связи с войной, демократизации России. Пока эта «демократизация» выразилась только в замене Маклакова и Горемыкина Хвостовым и Штюрмером.

Вообще, правовые отношения между классами определяются соотношением сил борющихся классов. А сила угнетенных классов не может вырасти под влиянием пропаганды единства классовых интересов. Солидарность классов подчиненных с классами господствующими всегда усиливает и укрепляет старый порядок. Все это—азбучная истина. И если в последнее время эти истины игнорируются буржуазной российской интеллигенцией, то это делается не в силу забвения или незнания, а по причине идейного перехода нашей интеллигенции в стан «ликующих, праздно-болтающих» из стана «погибающих». Во всяком случае, к демократизации приведет не плеханово-потресово-милюковский путь, а совсем иная дорога.

Мы подвели краткие итоги главнейших, связанных с войной, надежд наших либералов и примкнувшей к ним интеллигенции, когда-то отделявшей себя от либералов. Эти итоги свидетельствуют, что, не дойдя до конца пути, либералы успели растерять или сознательно выбросить многие стрелы из своего идейного колчана. Об'ективная необходимость толкает поэтому

к пересмотру своего идейного багажа и всех тех, кто был в свое время оглушен либеральной шумихой и слепо поплыл по течению.

ОБЛЕТЕЛИ ЦВЕТЫ...

Так называемый прогрессивный блок в настоящее время играет в Государственной Думе настолько серьезную роль, что говорить о Думе в целом—значит говорить о блоке.

Летом 1915 года с большим шумом и с заметным под'емом началась со стороны нашей буржуазии борьба за власть. В городских думах и на земских собраниях, в военно-промышленных комитетах и в биржевых комитетах, и во многих других буржуазных организациях говорились горячие речи и выносились решительные резолюции за переход власти в новые руки, которые целиком проводили бы политику буржуазии. Борьба за власть формулирована была в виде требования министерства, облеченного «общественным доверием». Это движение буржуазии нашло себе выражение и в Государственной Думе. Здесь образовался союз (блок) шести буржуазных фракций,—начиная с националистов и кончая кадетами. В программе блока была выражена уверенность, что только твердая и деятельная власть поможет повести Россию к победе, и что такой твердой властью может явиться только обновленное министерство, составленное из лиц, «пользующихся доверием страны».

Как бы ни отрекались буржуазные партии от лозунга борьбы за власть, самый факт требования нового министерства, облеченного доверием этих партий, является очевидным актом такой борьбы.

На чью же сторону могло и должно было в этой борьбе склониться сочувствие демократической части населения России? Буржуазный блок преподносил демократии программу реформ, которую не без основания можно назвать обглоданной костью. И тем не менее, поскольку речь идет только о той части программы блока, в которой говорится об отмене пережитков крепостничества,—симпатии демократии могли склониться на сторону буржуазного блока. Тем большего внимания заслуживает тот факт, что буржуазный блок, одновременно с борьбой против старого министерства, обострил свое враждебное отноше-

ние против партий, состоящих левее блока, против демократии вообще.

Чем это об'яснить? Ссылка на желание блокистов кому-то угодить, перед кем-то выставить себя в благонамеренном мундире—недостаточна. Была здесь и более глубокая причина. Представьте себе, что буржуазные партии, без особой задней мысли, а исключительно в целях общего буржуазного развития, выступили бы застрельщиками против некоторых пережитков крепостничества,—как сословное и национальное неравноправие, административный произвол, непомерные политические и религиозные преследования и так далее,—какое основание было бы тогда у них одновременно заострять меч и против тех, кто требует более полного и последовательного уничтожения крепостничества? Напротив, буржуазные партии в этом случае могли бы ожидать известной признательности к себе со стороны массы и, по меньшей мере, занять выжидательную позицию по отношению к «крайним».

Совсем другое дело, когда у буржуазного блока имелась налицо задняя мысль, сводящаяся к правилу: «услуга за услугу». Если буржуазия, в обмен на свои обглоданно-демократические обещания, пред'являла к демократии определенные требования каких-либо жертв, если она имела основания опасаться, что эти жертвы будут признаны чрезмерными или принципиально недопустимыми, и что сознательная демократия может и отказать блоку в своих услугах,—то одновременное об'явление буржуазией войны на два фронта—и против старой власти, и против демократии,—станет психологически понятным.

Если мы теперь обратимся к программе блока или к выступлениям сторонников блока, то сразу увидим, что требования блока, делающие уступку демократии, обусловлены определенными, очень серьезными требованиями, пред'явленными к самой демократии. Услуга за услугу, жертва за жертву.

Требования буржуазии к демократии заключены в ту общую формулу, в тот лозунг, во имя которого пред'явлены были блоком обглоданно-демократические требования. Но этот лозунг, эта формула выражена абстрактно. Чтобы иметь живой отклик в стране, она должна еще быть наполнена конкретным содержанием. Шумиха фраз об уничтожении милитаризма, о самоопределении национальностей и тому подобное, как содержание формулы, уже обнаружила себя, ко времени образования блока,

именно, как шумиху фраз. Постепенно это становилось ясным даже и для людей с более наивными взглядами на политику; и впереди не было никакой надежды на восстановление власти фразы над умами. Все более оголялось не парадное, прикрашенное цветами беспардонного красноречия, а действительное содержание лозунга. Выступал на соответствующее место вопрос о рынках и подчиненный ему вопрос—территориальный.

Таким образом, об'ективный ход вещей должен был приводить и приводил не к укреплению авторитета блока или сочувствия к блоку в глазах демократической части населения, и к их ослаблению. Кое-кто из демократии еще продолжал применять к блоку общую формулу о поддержке всякого движения, оппозиционного крепостничеству: «поддерживающие» закрывали глаза на то, что оппозиционные требования блока были обусловлены обязательной поддержкой того авантюризма, в который ударилась наша либеральная буржуазия под предводительством П. Н. Милюкова. Поддерживая блок в его требованиях равноправия сословий или национальностей, неизбежно было поддерживать блок и в его авантюрных затеях.

Между тем, в благополучном исходе авантюры возникали все более серьезные сомнения. Положение русской буржуазии стало походить на положение капиталиста, впавшего в заблуждение, благодаря ошибочной разведке на золото. Представьте себе такого капиталиста, ухлопавшего на предварительные работы весь свой капитал и чуть ли не весь кредит и не добившегося ожидаемых результатов: золото может быть и получится, но окупит ли его стоимость все издержки производства, включая и проценты на капитал? Даже в самой либеральной печати, поддерживающей авантюрные затеи, начинают на этот счет все чаще проскальзывать тревога и сомнения. Тем менее охоты поддерживать блок и его затею наблюдается среди демократии.

В силу очерченного нами общего политического положения не трудно было предвидеть, в каком направлении произойдет эволюция, как самого блока, руководящего в Государственной Думе, так и «поддерживающих» или поддерживавших его общественных сил. Сомнения и тревога буржуазного общества относительно того, окупится ли авантюра, должны были породить равнодушие общества к созыву Гос. Думы. А сознание этого факта блоком неизбежно вело к его передвижке вправо, к со-

кращению его требований по отношению к старому порядку и, одновременно, к усилению его требовательности и раздражения по отношению к демократии.

По внешности блок остался блоком. В него входят те же фракции, которые основали его летом 1915 года. В «Речи» вновь воспроизведена полностью программа блока. Но в его действительном политическом содержании, определяющем внутреннюю ценность блока, уже заметен сдвиг.

В либеральных газетах перед началом нынешней сессии Думы отмечалось равнодушие населения к ее созыву. Винили, конечно, население. А между тем, от корреспондента иностранной газеты не укрылся тот факт, что обе стороны, то-есть, министерство и блок «настроены примирительно». Это настроение, очевидно, чувствовалось всеми; оно-то и порождало равнодушие: не из-за чего было волноваться.

В августе 1915 года конфликт между блоком и министерством разразился на почве лозунга о министерстве, «пользующемся доверием страны». В феврале 1916 года члены блока стали понемногу отрекаться от этого лозунга. Депутат Шульгин заявил, что теперь «разговор о правительстве, облеченном доверием,—разговор платонический». Октябрист Антонов заявил: «я не думаю, чтобы этот лозунг ставился блоком в первую очередь. Нет оснований думать, чтобы совместная работа Думы с правительством была невозможной». Таким образом внутри самого блока лозунг о министерстве, облеченном доверием, понемногу вытеснялся исканием «общего языка» с правительством. На старом лозунге, уже подлежавшем очевидной сдаче в архив, настаивали еще одни только кадеты, но с оговорками, совершенно обескровливающими его. Например, депутат Маклаков добавлял:

«Я противник всяких революций. Преждевременная победа многих пугает. Можно взять позицию приступом, но бывает трудно ее удержать. Частичные победы иногда ведут к краху всей кампании».

Поразительную слепоту по отношению к блоку проявил депутат А. Ф. Керенский, который говорил в конце января, не задолго до открытия сессии:

«Те указания, какие были формулированы до 3 сентября прогрессивным блоком, представляются лишь минимальными. У меня нет оснований думать, что прогрессивный блок отка-

жется в эту сессию от этого минимума, и таким образом я не вижу никаких оснований и для того, чтобы можно было предположить о возможности соглашения между большинством Гос. Думы, об'единившемся в прогрессивный блок, и правительством, о возможности найти «общий язык» («Речь», от 28 января).

Заседания Гос. Думы возобновились 9 февраля. Новый председатель совета министров, вопреки прежним правительственным заявлениям, решился признать, что «война не останавливает запросов времени», но тотчас же рекомендовал «в высшей степени осмотрительное отношение» ко всяким новшествам во внутренней политической жизни. Коснулся Штюрмер в своей речи и вопросов о реформе волостного, земского и городского самоуправлений, и вопроса продовольственного, но в такой неопределенной форме, что нельзя угадать не только размеров, но даже и направления «реформ». Такой же неопределенностью страдает и фраза о рабочем вопросе.

«По отношению к фабричным и заводским рабочим,—сказал он,—нам предстоит установить нормы, которые определяли бы полнее и точнее их правовое положение». Только и всего. А в какую сторону должны эти нормы изменить положение рабочих, и в какой мере,—на это нет в речи Штюрмера ни малейшего намека.

Таким образом правительственная декларация, изложенная новым председателем совета министров, не дала ничего нового, даже в области словесных обещаний. Гос. Дума 9 февраля встретилась, по существу дела, именно с тем самым правительством, смены которого она так энергично потребовала в августе 1915 года. Напомним соответственное место августовской декларации прогрессивнаго блока:

«Нижеподписавшиеся представители фракций и групп Г. Совета и Г. Думы, исходя из у в е р е н н о с т и, ч т о т о л ь к о сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе, и что т а к о ю м о ж е т б ы т ь л и ш ь в л а с т ь, о п и р а ю щ а я с я н а н а р о д н о е д о в е р и е и способная организовать активное сотрудничество всех граждан, пришли к единогласному заключению, что важнейшая и насущнейшая задача создания такой власти н е м о ж е т б ы т ь о с у щ е с т в л е н а без выполнения нижеследующих условий: 1) с о з д а н и е о б'е д и н е н н о г о п р а в и т е л ь с т в а и з лиц, п о л ь з у ю щ и х с я д о в е р и е м страны и согласив-

шихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы»...

Ни об'единенного министерства из лиц, пользующихся «доверием страны», ни определенной правительственной программы к 9 февраля у нас не имелось. Тем не менее, декларация прогрессивного блока, прочитанная в Г. Думе 9 февраля, совершенно устраняет категоричность августовских требований. В ней уже нет речи ни о каких «только», «лишь», «не может быть»; в ней более скромно и без всякой ультимативности указывается лишь, что «во главу мер, необходимых для стройной организации страны» блок «продолжает (?) ставить создание правительства» из лиц способных и знающих, сильных доверием страны, готовых решительно изменить применявшиеся доселе способы управления и могущих работать в согласии с народным представительством». Нынешнему правительству ставится, правда, упрек в том, что оно «не опирается на сочувствие страны», но в то же время блок решительно отрекается от стремления добиться призыва в министерство новых людей, которые являлись бы проводниками его программы: «всеобщее желание,—сказано в декларации 9 февраля,—чтобы страна могла доверять своему правительству и чувствовать себя с ним единой, было злостно истолковано, как лозунг борьбы за власть». Вместо замены старого состава правительства новым, блок рекомендует теперь старому правительству «обращение к силам русской общественности».

Не возвращает блока на августовскую позицию и его формула перехода по бюджету, несмотря на свою резкую форму. В ней не говорится, как говорилось в августе, что без министерства «общественного доверия» победа невозможна, а указывается лишь, что «при наличии власти, опирающейся на общественное доверие, победа потребует наименьших жертв», и что «противодействие власти основным желаниям страны и большинства народных представителей налагает тягчайшую ответственность на власть и опасно для государства»,—опасно, но не безусловно гибельно.

Газета «Речь», конечно, полностью поддерживает новую декларацию прогрессивного блока и старается уверить своих читателей, что между блоком и министерством попрежнему лежит пропасть. Тем более характерным является изложение новой декларации, сделанное этой газетой перед самым ее

прочтением в Думе. В декларации будет указано,—сообщалось в «Речи»,—что «только при министерстве из лиц, пользующихся общественным доверием, возможна наилучшая организация победы». Именно это определение соответствует новой позиции блока: организация победы возможна и при старом министерстве, но наилучшая организация, с наименьшими жертвами, с наименьшей опасностью для государства требует, чтобы министерство пользовалось доверием. Это совсем уже не то, что провозглашалось в августе 1915 г. И понятно, что в публике интерес к блоку уже не прежний.

ПЛАНЫ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ.

I.

Планы и настроения, связанные с началом войны, отходят понемногу в прошлое, в область истории. Странными уже начинают казаться тогдашние надежды на быстрое окончание катастрофы. Но как бы мало ни были обоснованы эти надежды, они могли в свое время оказывать известное воздействие на настроение руководящих политических сфер. С другой стороны, не могли остаться без влияния и планы тех, в чьи расчеты входило затягивание войны с неизбежным увеличением количества жертв. Проследить в полной мере взаимодействие общественных течений, стоявших за продолжение или против продолжения войны,—задача очень сложная и вряд ли возможная в настоящее время. Поэтому приходится пока ограничиваться более частными вопросами.

Настоящая статья имеет целью лишь напомнить об отношении к войне русской либеральной печати, отражающей мнение нашего буржуазного общества и буржуазной интеллигенции.

Относительно обстоятельств, предшествовавших войне и сопровождавших ее начало, мы находим достаточно интересные указания в статье П. Н. Милюкова—«Общественное мнение, парламенты и правительства союзников» («Ежегодник» газеты «Речь» на 1915 год, стр. 235—242).

Ограничимся некоторыми выписками из этой статьи.

«30 января 1914 года уволен был председатель Совета министров и министр финансов В. Н. Коковцев. Его место за-

нял, в качестве министра без портфеля, И. Л. Горемыкин, памятный обществу своей борьбой с первым народным представительством в 1906 г. Формальным поводом к отставке было отсутствие единства в кабинете; но политический смысл ее сводился к победе национализма, с его агрессивными стремлениями во внутренней и во внешней политике, над неопределенным национал-либерализмом столыпинского времени».

«Во внутренней политике новый курс тотчас же сказался, как курс ограничительных толкований прав народного представительства и т. д.».

«Такая консервативная и националистическая газета, как «Киевлянин», в номере от 23 апреля констатировала «резкое недовольство нынешним режимом» даже «безусловно лояльных слоев». «Мы живем на вулкане,—говорила газета,—всякий час могут вспыхнуть внешние осложнения, призрак войны реет в воздухе».

Стр. 237. «Осенью 1913 года Коковцев заключил во Франции договор о займе по 500 мил. франков в год на 5 лет». «Вам нужны наши деньги, нам нужны ваши стратегические дороги»,—так формулировал французский финансист суть соглашения. (Le Correspondant, 25 декабря 1913 года, стр. 1086—7)».

Стр. 238. «Проведенный в Государственной Думе закон о шпионстве лишил русскую печать возможности говорить о новых вооружениях весны 1914 года. Вплоть до внесения в Государственную Думу «большой программы» русское общество оставалось в полном неведении относительно нее. Но в Германии и Австрии русские военные приготовления произвели большую сенсацию и вызвали целую кампанию печати. Застрельщиком явилась «Кельнская газета», напечатавшая 2 марта (н. ст.) сенсационную корреспонденцию из Петербурга».

«В данную минуту,—говорилось в этой статье,—Россия не готова поддержать силой оружия политические угрозы... Непосредственной военной опасности с русской стороны не имеется, *как ни гремят французы русской саблей.* Но совершенно иное политическое значение приобретет русская военная сила через три или четыре года, к осени 1917 года»,—к моменту заключения нового торгового договора с Германией. «Другие органы печати сделали из этих сообщений и рассуждений вывод: «необходимо предупредить Россию, прежде чем она будет готова».

Стр. 239. «В Биржевых Ведомостях» появилась и в германских газетах была перепечатана статья, приписывавшаяся военному министру Сухомлинову, под заглавием: «Россия хочет мира, но готова к войне». В статье «с гордостью» заявлялось, что «для России прошли времена угроз извне», что «Россия готова», что хотя «на случай войны наш план обыкновенно носил оборонительный характер», но теперь «за границей знают, что идея обороны отложена, и русская армия будет активной».

В иностранной печати статья Сухомлинова вызвала новую тревогу в связи со слухами о назначенной на апрель пробной мобилизации, которая должна была обойтись в 105 миллионов рублей (стр. 240).

Стр. 241. По поводу ассигнования Государственной Думой военных кредитов в мае 1914 года единственным публичным указанием на существо и значение громадной реформы осталась заключительная часть речи П. Н. Милюкова по внешней политике (10 мая): «Дух несдержанности, дух авантюры нас охватывает,—так кончалась эта речь.—Я высказываю опасение, как бы и последнее ведомство, оставшееся европейским, т.-е. министерство иностранных дел, не оказалось так же побежденным, как и другие, и не потеряло возможности вóвремя остановить то гибельное движение к новой катастрофе, признаки которого я вам очертил». «И после закрытия сессии Государственной Думы «Речь» продолжала предупреждать об опасности националистических увлечений, в последний раз перед войной коснувшись этого вопроса по поводу посещения Петербурга Пуанкарэ».

Стр. 242. С началом войны «общественные заявления не заставили себя ждать. Первым из них явилось воззвание Центрального Комитета партии народной свободы». В нем говорилось: «Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша—поддержать *борцов верой в правоту* нашего дела, спокойной бодростью и надеждой на успех нашего оружия».

А 26 июля в Государственной Думе представитель кадетской партии уже забыл про «дух авантюры» и заявлял: «мы ведем борьбу за освобождение нашей родины от иноземного нашествия, Европы и славянства—от германского преобладания,

всего мира—от невыносимого гнета постоянно растущих вооружений» (стр. 243).

Таков был ход событий, по изложению вождя русских либералов. В дальнейшем мы будем останавливаться преимущественно на тех заявлениях либеральной печати, которые делались в связи со слухами о мире, появившимися очень скоро после начала войны и продолжавшими возникать от времени до времени.

В нашей печати нашли себе право гражданства две основных точки зрения по вопросу о прекращении войны. По крайней мере, мы находим в одном из номеров газеты «Русские Ведомости» рядом две телеграммы, выражающие различное отношение к вопросу.

Первая—телеграмма Петроградского телеграфного агентства, от 25 ноября 1915 года, передает точку зрения английского министра Асквита, высказанную им в парламенте. По словам Асквита, правительства Великобритании, Франции, России, Италии и Японии условились не заключать сепаратного мира. Если же правительства неприятельских стран прямо или при посредстве нейтральных стран сделают серьезное предложение о заключении всеобщего мира, то оно будет предварительно обсуждено правительствами союзных государств. До наступления такого момента он не может дать никаких других обещаний. При этом Асквит добавил, что если будут сделаны предложения о мире, то английское правительство непременно привлечет парламент к их обсуждению, как только это окажется возможным.

Из этой телеграммы видно, что Асквит говорил официально не только от лица английского правительства, но и от лица всех союзных правительств: все эти правительства считают необходимым *обсуждение* всякого серьезного предложения о мире, а английское правительство от себя обещает еще перенести всякое подобное предложение, при первой возможности, на обсуждение парламента.

Вторая—телеграмма «от нашего корреспондента», передает точку зрения газеты «Times». По поводу слухов о мире эта газета заявила, что «заключить мир с теперешней Германией было бы просто насмешкой над самим собою», то-есть газета не допускает, в противоположность Асквиту и всем союзным правительствам, никакого обсуждения каких бы то ни было

предложений о мире, как бы серьезны ни были эти предложения и по содержанию, и по форме. Мотивируя свое мнение, газета указывает, что «Германия обесчестила свою подпись, и только сумасшедший может теперь заключать с ней договоры. Германия официально признала принцип, что необходимость не знает законов, и ее правители попрежнему верны этому принципу. Заключение мира с этими немецкими правителями означало бы не прекращение войны, а лишь временное перемирие». Никакого мира с теперешней Германией, ни на каких условиях!—таков лозунг влиятельной английской газеты, которая, как видит читатель, резко разошлась в этом случае с точкой зрения, выраженной Асквитом.

Какая же из этих двух точек зрения преобладала за время войны в нашей либеральной печати? Ответом на этот вопрос может явиться только вся наша статья в целом. Пока мы ограничимся одним замечанием. Асквит говорил о «серьезных» предложениях мира. Серьезность или несерьезность может выразиться и в содержании предложений, и в их форме. Серьезность содержания—вещь довольно суб'ективного свойства; признание ее находится в связи с оценкой положения; но для газеты «Таймс», например, никакое предложение нынешнего германского правительства не может считаться серьезным. Что касается серьезности формы, то она не одинакова для правительства и для частной газеты: что недостаточно серьезно для правительственного, официального обсуждения, то может оказаться совершенно серьезным для газетной редакции.

В дальнейшем нам еще придется сопоставлять точку зрения Асквита с точкой зрения редакции газеты «Таймс». Поэтому полезно привести характеристику этой газеты,—последнюю по времени. По словам газеты «Речь» (29 ноября 1915 года), эта газета приняла «явно реакционное направление»; в частности, по отношению к России, корреспонденции ее «стоят на уровне «Земщины». Но если бы читатель поспешил вывести отсюда заключение, что сама «Речь» в вопросе о мире стоит ближе к точке зрения Асквита, чем к точке зрения реакционной английской газеты, то это заключение было бы, по меньшей мере, преждевременным.

Известия о попытках мирных переговоров начали появляться в русских газетах почти тотчас после начала войны. Мы оставляем в стороне вопрос о степени достоверности этих

известий. Нам важно лишь знать, как реагировала на них либеральная печать. Уже в конце августа 1914 года сообщалось, что германское правительство обратилось к американскому министру иностранных дел с запросом, не согласятся ли Соединенные Штаты выступить с предложением о посредничестве между воюющими державами. По словам Петроградского телеграфного агентства, державы согласия отвергли это посредничество, «тем самым заявляя, что войну будут они продолжать впредь до полной победы над Германией». В передовой статье газеты «День», от 1 сентября 1914 года, высказана была по этому поводу мысль, что державы согласия не могут принять предложения о посредничестве: продолжение войны должно склонить решительную победу на сторону союзников, а кроме того, «необходимость довести войну до конца диктуется всей совокупностью политических условий... война должна быть доведенной до конца. В Берлине должен быть подписан мир».

«Война до конца», подписание мира лишь после завоевания Берлина—это лозунги, с которыми газета «День» не стояла одиноко. Общее настроение печати и, следовательно, русского «общества» ярко и полно было выражено газетой «Петроградский Курьер»: «Германизм должен быть окончательно сломлен и устранен с лица Европы». Этот лозунг, как может заметить читатель, не только не согласуется с точкой зрения, выраженной Асквитом, но и идет дальше позиции газеты «Таймс»: в русской печати шла речь не об устранении нынешних германских правителей, а об устранении самого германизма с лица Европы.

Через полторы недели «День» возвращается к теме о мире: «несмотря на опровержение германского официоза, становится совершенно очевидным,—говорит газета,—что Германия нащупывает в Америке почву для заключения мира. Это обстоятельство очень волнует газету, и она продолжает борьбу против всякой мысли о мире: «Мы уже говорили,—сказано в передовой статье от 10 сентября,—что пока враг не будет окончательно сокрушен, до тех пор никакие разговоры о мире немыслимы. С тех пор не произошло ничего такого, что могло бы заставить нас отказаться от этой точки зрения. Германия заслужила, чтобы мир был ей продиктован в Берлине. Не жестокость, не непримиримость, а здравый смысл выдвигает это требование. Не для этого Россия и весь культурный мир при-

няли вызов Германии, чтобы бросить дело на середине и при том в обстановке, когда дело противника явно проиграно... Война должна быть доведена до своего логического конца. И во имя великой цели не следует щадить никаких средств, невозможно останавливаться перед жертвами, как бы велики они ни были».

К лозунгу полного устранения германизма с лица Европы и к отрицанию всех и всяких мирных переговоров о каких бы то ни было мирных условиях мы видим в новой передовице «Дня» добавление в виде лозунга: «не щадить никаких средств, не останавливаться ни перед какими жертвами».

Между тем слухи о посредничестве С.-А. Штатов в пользу мира продолжались и, по словам газет, волновали общественное мнение. В конце сентября сочли нужным высказаться «Русские ведомости». Мир, по мнению газеты, не возможен, так как прекращение войны толкнет Германию, а следовательно, и ее противников, к новым вооружениям. Получится в Европе лихорадочная скачка вооружений в невиданных дотоле размерах; внутренние задачи будут везде отодвинуты на задний план постоянной острой тревогой о внешней безопасности: все жертвы, понесенные народами, об'единившимися против германского народа, окажутся бесплодными; Европа вернется к вооруженному миру, еще более напряженному и непрочному, чем прежде.

Газета «Биржевые Ведомости» 30 сентября присоединилась к точке зрения «Русских Ведомостей» и заявила, что во имя «мирной культуры» Европа обязана воевать до полной победы над Германией.

В первых числах октября появилось сообщение, будто одно лицо просило М. В. Родзянко, как председателя Государственной Думы, обратиться к президенту Северо-Американских Штатов, Вильсону, с просьбой взять на себя инициативу по ведению переговоров о заключении мира. Родзянко ответил:

«Я не вижу возможности согласиться с вашей мыслью об обращении моем к президенту Северо-Американских Штатов и печати с воззванием, ибо считаю, что победа над Германией, будучи победой над насажденным ею милитаризмом, не повлечет за собою зарождения милитаризма в России, и что не мне защищать ценность германской культуры в момент, когда обнаружились все отрицательные стороны той системы воспи-

тания народа в духе исключительно милитаризма, плоды которой так ясно обнаружились».

— Война должна быть доведена до конца, и германский милитаризм должен быть раз навсегда раздавлен,—так комментировала либеральная газета ответ Родзянки. В этом ответе читатель уже мог подметить сближение между октябристом Родзянко и газетой «Русские Ведомости». Сверх того, здесь, кажется, впервые авторитетно поднят вопрос об отрицании не только германской государственности, но и германской культуры.

К вопросу о германской культуре в том же октябре 1914 года вплотную подошел Федор Сологуб в статье «Мира не будет». Автор статьи, не всегда одобряемый в либеральной печати, пользуется большой популярностью среди буржуазной интеллигенции новейшей фармации; вместе с тем, он отличается способностью угадывать настроения этой интеллигенции. Поэтому настроение Сологуба, очевидно, является показателем и настроения широких слоев русской интеллигенции.

Ф. Сологуб издевается над мыслью, будто война до конца необходима только для сокрушения германского милитаризма; причина борьбы лежит глубже: «германец и русский так отличны один от другого, словно они живут на разных планетах». Теперь они вступили в борьбу, которая будет измеряться столетиями. Для русских это—борьба за национальное самоутверждение, за самое право на жизнь; поэтому они поставлены в необходимость не только победить, но и раздавить Германию. Германия—совершенно другой, сравнительно с нами, мир. «Против нашей восточной, мистической, религиозной души встала воплощенная в Германии механизованная душа, антихристианская, рационализованная по-машинному, душа без вещих ведений и прозрений, но с необычайною силою материализма, душа язычников Гете, Канта, Ницше и всех этих бесчисленных блестящих, но холодных умов». Понятно, что пруссаки разрушают католические соборы: ведь они ничего не говорят их «лютеранскому рассудительному чувству».

Забыв, что в Германии имеются и католики, записав этих католиков в нехристей заодно с лютеранами, Ф. Сологуб призывает Россию сказать миру свое новое слово. «Материя и сила—вот что видит в мире германец, и совсем иное видит в мире наш мистический Восток, от которого должен сиять миру

свет спасения». Должны выработаться новые русские поколения, свободные от европеизма, «не зараженные холопским поклонением перед тевтонскою материальною культурою». И для этих поколений мы должны работать над «возвеличением и воскрешением русской и иных славянских и восточных культур».

Что Ф. Сологуб не остался одиноким, что голос его не прозвучал в пустыне, это доказывается уже одним тем, что звезда этого писателя нисколько не померкла в глазах русской интеллигенции после напечатания статьи «Мира не будет». Но коллективное политическое выражение идеи Сологуба получили только через год, на с'езде правых организаций, состоявшемся под руководством Маркова 2-го, Дубровина, Маклакова и Щегловитова. Правые на с'езде выставили, в соответствии с желанием Ф. Сологуба, требование признать протестантизм состоянием языческим, что доказывают немцы служением золотому тельцу, милитаризму и жидовству. На этом основании правые потребовали изгнания протестантов со всех государственных должностей и запрещения протестантам держать православную прислугу. Жидовство и германизм, по мнению правых, зиждятся на одних и тех же основаниях. Таким образом, столетняя война, которую проповедует Ф. Сологуб, может считаться окончательно об'явленной только с ноября 1915 года, со времени с'езда правых организаций при министре внутренних дел А. Н. Хвостове.

Несмотря на позицию, занятую в вопросе о мире русской либеральной печатью, известия о попытках к миру со стороны германцев продолжали появляться.

В телеграмме от 17 октября сообщается, что германское правительство запросило некоторых влиятельных политических деятелей Франции, приемлемы ли для французского правительства предложения о мире, если в них в пользу Франции будет включена уступка Меца, а также, может быть, и части Эльзаса. Французы ответили, что подобные предложения противоречат французскому национальному чувству.

В телеграмме 23 октября 1914 года передается известие, что германское правительство вновь нащупывает почву для переговоров о мире. На этот раз посредничество должно исходить от швейцарского союзного Совета. Социалистическая партия намерена предложить союзному Совету принять на себя инициативу обращения ко всем нейтральным странам, чтобы те вме-

шались, в смысле склонения воюющих держав заключить перемирие. В «Речи» была напечатана телеграмма из Лондона от 9 ноября, передающая известие из Вашингтона, что Германия снова пытается добиться посредничества нейтральных держав в целях заключения мира.

В той же газете от 13 ноября 1914 года передается слух, идущий из Италии, о том, что Германия, устрашенная натиском русской армии, предложила России заключить мир; но Россия отвергла это предложение. По сообщению одной итальянской газеты, этот слух исходит из вполне достоверного источника.

Около этого же времени последовал призыв папы прекратить войну во имя христианской любви и братства. Повидимому, возможность скорого мира была в то время (два года тому назад) настолько вероятна, что сторонники войны во что бы то ни стало не могли обойти молчанием никакого выступления в пользу мира, хотя бы выступление и не носило политического характера. Не обошла молчанием наша печать и призыва папы. Наиболее интересный ответ дала газета «Речь» в большой передовице от 14 ноября. «Проповедь высокой христианской морали есть превосходное орудие воспитания»,—резко отвечает центральный орган конституционно-демократической партии,— и с своей стороны выставляет критерий справедливости; но тотчас забывает и об этом критерии и оценивает войну уже вне всяких рамок христианской морали или справедливости; он говорит:

«Быстрый конец зла, представляемого войною, не был бы концом действительным. Вместо уврачевания болезни такой конец лишь загнал бы ее внутрь и не обеспечил бы пациентов от возможности нового ее проявления. Вот почему... нужно желать не скорого конца войны, а конца решительного, — тем лучше, если он может быть скорым. Так именно и взглянул на войну международный пацифизм. Война, как лекарство от войны, как своего рода прививка болезни, как гарантия против ее возможного,—по крайней мере, против ее скорого повторения. Нужно бороться до конца, нужно предписать противнику наши условия мира, потому что наши условия должны быть таковыми, чтобы обеспечить человечеству сравнительный покой на сравнительно продолжительное время. Вот общая формула нашей нетерпимости ко всевозможным предложениям быстрого мира».

Таким образом, орган конституционно-демократической партии является выразителем мнения не только этой партии, но и международного пацифизма. Согласно этому мнению, нынешняя война как бы вовсе и не война, — во всяком случае это война еще не настоящая, а только предохранительная прививка против всамделишной войны; а жертвы людьми и материальными средствами — это вовсе не жертвы, а лишь затрата противодифтерийной или, точнее, противовоенной сыворотки. Отсюда естественный вывод: нужно не жалеть сыворотки.

Однако же, газета «Речь» в конце статьи вспоминает, что в данном случае предохранительная сыворотка состоит из живых людей, с известным психическим содержанием, и дает совет для укрепления в людях готовности превратиться в сыворотку; она пишет:

«Мы должны твердо знать, что для нас лучше, что нас успокоит надолго, чтобы наши дипломаты твердо знали, к чему им надо стремиться. Вот почему выработка взглядов на условия будущего прочного мира вовсе не тождественна с желанием преждевременного мира, а напротив,—есть лучшее лекарство против такого желания. Часто приходится слышать пословицу о дележе шкуры неубитого медведя. Применение этой пословицы к настоящему случаю может свидетельствовать о похвальной скромности применяющих ее. Но оно отнюдь не свидетельствует об их дальновидности».

Другими словами: не нужно быть скромными при разговорах о дележе будущих завоеваний, так как отсутствие скромности—лучшее лекарство против желания «преждевременного» мира. На этот раз уже не предохранительная прививка, а лекарство, перед расходованием которого не нужно останавливаться: чем шире будут перспективы будущего дележа, тем лучше. И лучше всего, конечно, полное устранение германизма с лица Европы. А так как газета обязалась быть «нетерпимой ко всевозможным условиям быстрого мира», то естественно, что она приходила в раздражение и обрушивалась с обвинениями в германофильстве даже по случаю простого упоминания о том, что «в конце-концов, нам придется сожительствовать и с немцами». Можно подумать, что никаких немцев в обновленной по кадетской программе Европе не полагается.

II.

Вступление Турции в австро-германскую коалицию и начало ее войны с Россией были встречены либеральной печатью почти с нескрываемой радостью. В одном печатном документе того времени, впрочем, сказано прямо: «Германия оказала нам услугу, уговорив турок напасть на нас». При дележе турецкого наследства, как и при дележе Австро-Венгрии и Германии, всякая скромность была отброшена либеральной печатью,—очевидно потому, что скромность признавалась недальновидностью. Планы на турецкие владения не ограничились проливами, Константинополем и Арменией. «Мы являемся естественными наследниками европейских владений Турции и мы, наконец-то, должны стать балканской державой», — писал С. М. Проппер, издатель «Биржевых Ведомостей», об'единивших в это время писателей всевозможных либеральных и демократических оттенков.

В чем же заключается конкретное содержание лозунга «стать балканскою державою»? С. М. Проппер отвечает: «Возглавление Россиею прочих балканских государств должно воспоследовать одновременно с заключением с ними таможенного союза и военной конвенции, как это сделала в 1866 году Пруссия, основавшая после победоносной войны с Австрией северогерманский союз, который превратился впоследствии в германскую Империю». Ясно, и если не «скромно», то «дальновидно». Но проект «возглавления» Россией всех балканских государств можно приписать личному увлечению Проппера слишком широкими завоевательными планами. Поэтому обратимся к статье П. Н. Милюкова—«Территориальные приобретения России» в сборнике—«Чего ждет Россия от войны?» Милюков, как вождь партии, является лицом, более политически ответственным, чем Проппер; сверх того, он в данной статье, видимо, старается устранить все суб'ективное, стремится быть истолкователем завоевательных намерений и решений всего русского «общества».

«Война началась,—говорит П. Н. Милюков,—без определенных, со стороны России, намерений относительно расширения территории российского государства». Но затем выяснились планы присоединения Галиции и, по толкованию Милюкова, части закарпатской территории, лежащей в пределах Венгрии.

Вскоре планы «расширения территории российского государства» распространились и на австрийскую Силезию, а также на германские провинции—Силезию, Познань, Восточную Пруссию и часть Западной Пруссии.

Вступление Турции в войну «дало нам возможность,—говорит Милюков,—поставить на очередь окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики». Эти вековые задачи заключались в приобретении Россией Босфора и Дарданелл, вместе с Константинополем и землями до линии Мидия—Энос, а если Болгария не поддержит Россию, то—и вместе с Адрианополем. В Малой Азии планы «приобретений» распространяются на берега проливов и Мраморного моря, а также со стороны Закавказья—на линию от Зивина до Баязета и на всю Великую Армению и Трапезундский вилайет.

Относительно Армении нужно заметить, что «часть армянских деятелей» желает создания автономной Армении в пределах Турции, подобно дунайским княжествам до приобретения ими независимости. Очевидно, армяне, в расчете на слабость Турции, надеются получить позже полную независимость. При этом «многие армянские деятели» настаивают на включении в состав автономной Армении и Малой Армении или Киликии, выходящей к Средиземному морю. Милюков предпочитает для Великой Армении «введение ее территории в пределы Российской Империи», но с «русской точки зрения» отказывается от Малой Армении. Почему?

Автономия Армении совместно с Великой и Малой Арменией отстаивается армянами в интересах национального об'единения и в целях будущего торгового развития их страны. Но выход Армении к Средиземному морю «широко открывает Армению международному соперничеству, как экономическому, так и политическому». При этом «связь с Россией неизбежно становится менее тесной». А Россия должна будет держать военный флот на Средиземном море, что «не оправдывается современным состоянием русской внешней торговли».

С точки зрения на условия мира, высказанной нашей либеральной печатью, интересно сопоставить точку зрения, высказанную в листке под заглавием: «Что даст России победа», выпущенном «Комитетом народных изданий» «для бесплатного распространения», с пометкой «центральный книжный склад и типография «Сельского Вестника», Петроград, Мойка, 32. Со-

гласно указанию этого листка, завоевательные планы ограничиваются двумя пунктами:

1) «Тогда необходимые нам проливы будут принадлежать нам вместе с турецкою столицею—Константинополем», и

2) «Нельзя было бы долее терпеть, чтобы под немецким ярмом оставался наш же русский православный народ,—наши братья галичане, жители древней Червонной Руси. Поэтому, отнятые нами у Австрии, земли никогда больше не отойдут от России».

Это меньше того, что проповедывали либеральные империалисты.

Как видит читатель, в этом листке не проповедуется ни завоевание Малой Азии («Армении»), ни покорение («возглавление») Болгарии, Сербии, Черногории, Албании, Греции и Румынии. По отношению к Германии и Австро-Венгрии листок, не боясь обвинения «Речи» в изменническом германофильстве, исходит из очевидного предположения, что, «в конце-концов, нам придется сожительствовать с немцами» в Европе.

Таким образом, к концу осени 1914 года русское либеральное и либерально-демократическое общественное мнение вполне определилось в требовании завоеваний, идущих много дальше того, что выражено было официальной программой. Относительно мнения, будто война—только предохранительная прививка против войны, нельзя говорить серьезно: оно лишь словесное украшение завоевательных планов, простирающихся (для России) на значительную долю Малой Азии и весь Балканский полуостров, от южной оконечности Греции до Прута и Сана, а также на восточную половину Германии. До полного осуществления этих планов русское общественное мнение, поскольку оно выражалось либерально-демократической печатью, считало необходимым относиться с полной «нетерпимостью» ко всяким разговорам о мире.

Рядом с завоеваниями территориального характера были выдвинуты лозунги борьбы в области культурной и в сфере экономической.

Относительно культурной области мы уже видели выступление Федора Сологуба и уже говорили о значении этого выступления. Нужно еще отметить, что в этой области роли перепутались самым причудливым образом. Для примера достаточно отметить один конфликт «Нового Времени» с «Речью».

В «Новом Времени» пресловутый Меньшиков, заговорив о заграничных курортах, вдруг чрезвычайно расширил вопрос:

«Совсем остановить поездки русской публики за границу невозможно. Мы можем бойкотировать Германию и Австрию, но бойкотировать весь свет было бы ошибкой старых японцев или китайцев. Европа для нас была и останется родным материком. Это наше второе отечество, не более обширное, но культурно более богатое, чем Россия. Со времени Петра мы воспитываемся в тесном общении с Западом... Религия, государственность, философия, поэзия, искусство—все это на Западе для нас свое родное при некоторых чуждых оттенках, делающих их особенно интересными... Несомненно, война может надолго окружить немецкие страны ненавистью человечества, но в конце-концов, нам придется сожительствовать, худо ли, хорошо ли, и с немцами. Поэтому я думаю, что общение между народами будет продолжать развиваться, и никакими силами образованную русскую публику нельзя будет оторвать от Европы».

За эти рассуждения газета «Речь» закричала «слово и дело», обвиняя Меньшикова в германофильстве в духе Маркова 2-го.

Наконец, что касается сферы экономической, то здесь было исписано немало бумаги о немецком засилье, торговом договоре, превращении России в германскую колонию и т. п. Будучи в настоящей статье лишь простым летописцем мнений, я вынужден в этом сложном вопросе ограничиться приведением только одного документа, который является, однако, квинт-эссенцией всех буржуазных писаний на эту тему,—до писаний бывших марксистов (Маслова, Потресова и других) включительно.

Этот документ—воззвание московского купеческого общества к «русскому обществу».

Вот оно полностью (по газете «День», от 1 ноября 1914 г.).

«В тяжелую годину войны, навязанной нам дерзким врагом, никто не должен оставаться безучастным зрителем переживаемых нами событий. Предоставляя нашим братьям-воинам защиту на поле брани, чести и достоинства России, мы обязаны перед великой родиной нашей помочь им в этой борьбе с врагом, сломив его мощь, основанную на экономическом преобладании. Будем всегда и неизменно помнить, что каждый

уплаченный немцам рубль претворяется в орудие против нас и идет на экономическое порабощение России. Пусть каждый русский откажется от покупки немецких товаров, об'явит бойкот австрийских и германских фирм и тем самым, освободив родину от немецкого промышленного засилия, будет способствовать возрождению и укреплению отечественной промышленности на благо России».

Для восстановления истины в этом воззвании следовало бы внести только одну существенную поправку по воззванию: бойкот немецких фирм вызывается интересами военного дела; на самом же деле, как всем известно, победоносная война, в сфере экономической, ставит своей основной целью отвлечение потребителя от немецких магазинов и поставление его в необходимость посещать исключительно торговые предприятия составителей воззвания. И в этом вопросе, подобно вопросу о завоевании новых территорий, быстрый мир был признан либеральной печатью несоответствующим интересам России.

Таким образом, все известия, идущие из-за границы, о желании Германии приступить к мирным переговорам встречали со стороны русской либеральной печати единодушный резкий отпор. И к концу осени 1914 года самые известия о мирных попытках германского правительства прекратились. На место их стали появляться сообщения о падении воинственных настроений населения Германии и Австро-Венгрии.

«Перелом настроения в Германии,—писал, например, корреспондент «Речи»,—наблюдается не только среди рабочих, но и в других слоях населения». Раздаются голоса, предостерегающие от оптимистической оценки шансов войны для Германии, а утомление и недовольство ходом войны принимают все более резкие формы.

Одновременно с этими сообщениями о переломе настроения в Германии стали появляться, приблизительно с конца ноября 1914 года, известия о перемене тона германских газет по отношению к России: толки о русском коварстве, русской агрессивности сменились в Германии ухаживанием за Россией.

И вместе с тем стали передаваться раздающиеся в самой Германии голоса против всяких территориальных приобретений в Европе.

Первая четверть 1915 года ознаменовалась продвижением русских войск в пределы Австро-Венгрии на Карпатах. Вместе

с тем прекращается появление в русских газетах известий о попытках Германии приступить к мирным переговорам. Зато немало писалось о желании Австро-Венгрии заключить мир с Россией. Это желание было русской печатью встречено так же, как попытки, о которых писалось осенью 1914 года.

В апреле 1915 года появилась перепечатка из американских газет об условиях мира, предложенных Германией и переданных Дернбургом. Эти условия следующие:

1. Германия выводит свою армию из Бельгии и участвует в восстановлении разрушенных бельгийских городов.

2. Международными договорами гарантируется принцип равноправия народов на морях.

3. Об'являются международным достоянием телеграфные кабели.

4. Исправляется граница между Германией и Францией путем уступки последней незначительной полосы в Лотарингии.

5. На восточном фронте остается в силе status quo (старые границы).

6. Турция признается находящейся в сфере влияния Германии.

7. Германия получает право на свободный транзит через Бельгию.

Эти условия были оставлены русской печатью без рассмотрения: они дали лишь повод лишний раз поговорить об истощении Германии и Австро-Венгрии, обреченных на гибель от недостатка с'естных припасов, металлов и людского материала для пополнения убыли в войсках. Тон русских газет оставался победным и непримиримым.

А между тем на Дунайце уже грохотал «ураганный огонь» австро-германской артиллерии...

В первый период войны, приблизительно до апреля 1915 г., успели достигнуть полного расцвета и определенно оформиться завоевательные планы русских империалистов либерального лагеря. По отношению к Европе эти планы простирались до полного уничтожения германизма и всех и всяких нехристей (включая в число последних и христиан-протестантов), а также— до покорения («возглавления Россией») всех государств Балканского полуострова; на границе Европы и Азии предполагался захват обоих берегов Босфора, Мраморного моря и Дарданелл; и наконец, в Малой Азии проектировалось завоевание Трапе-

зунда и большей части Армении, но с таким расчетом, чтобы завоеванная часть не имела выхода к Средиземному морю, во избежание в этой области европейской конкуренции по отношению к российским товарам и российской политике.

Одушевленное верой в осуществление широких завоеваний, русское общество не только не огорчалось увеличением числа врагов (вступлением в войну Турции), но и откровенно выражало свою радость. Говорили, что вовлечением Турции в войну Германия оказала невольную услугу России; по выражению Милюкова, «вступление Турции в число наших врагов» дало «нам возможность поставить на очередь окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики».

Завоевательным намерениям либерального общества не отвечал размер успехов, достигнутых русской армией на театре военных действий, и в связи с этим несоответствием проповедывалось либеральными газетами самое «нетерпимое» отношение ко всяким переговорам о мире. Лозунгом дня было: никаких переговоров ни на каких условиях! Всякое известие о чьем-либо желании начать мирные переговоры, хотя бы на условии восстановления старых границ, и даже с некоторым увеличением русской и французской территории, истолковывалось как признак истощения врага, сознание им своей близкой, неизбежной гибели. И потому мирные предложения оставлялись русской печатью без рассмотрения. В читателях газет все время поддерживалась уверенность в близости победы полной, окончательной.

Между тем началось на Дунайце памятное наступление австро-германцев, остановившееся лишь к осени на территории Полесья и Волыни. Невозможность оказать сопротивление этому нашествию об'яснялась недостатком снарядов у русской армии. И тут выяснилось, что либеральная печать говорила заведомую неправду, теша обывателя верой в слабость Германии. Обнаружилось, что вожди либералов знали заранее о недостатке снарядов и предвидели, следовательно, летний оборот событий на театре военных действий; но они скрывали правду.

Либералы сами, устами Милюкова, признались в этом. В заседании Государственной Думы 19 июля 1915 года Милюков заявил от лица своих единомышленников, что еще в январе они явились в Думу с «чувством патриотической тревоги», но «сдержали это чувство в себе», то-есть, скрыли от народа, что знали,

и только «в закрытых совещаниях высказали правительству все то, чем уже тогда была полна народная душа». Это, еще недостаточно ясное, признание Милюкова получило некоторое раз'яснение в статье того же автора в «Ежегоднике» газеты «Речь» на 1915 год, на стр. 257. Депутаты, побывавшие на фронте,—говорит здесь Милюков,—уже в январе указывали *на недостаток снабжения армии;* этот вопрос обсуждался в закрытом совещании 25 января, и военный министр дал «успокоительные заверения», оказавшиеся обманом; «но то, что было известно лишь немногим, стало доступно всем, когда начались наши неудачи». То-есть обманывали публику и Сухомлинов, и либеральные депутаты, знавшие истину. В числе немногих, знавших о недостатке снарядов, был, очевидно, и П. Н. Милюков и другие вожди либеральных партий. Это не помешало им сохранить в полной целости свои завоевательные планы и отвергать обсуждение каких бы то ни было условий мирного договора.

Напомним читателю позицию представителей различных партий в заседании Государственной Думы 27 января 1915 года.

Цитирую по отчету в газете «Речь», 28 января 1915 г. *Е. П. Ковалевский.* Сербия и Черногория должны получить «территориальное увеличение и свободный выход к морю», а для России «на первую очередь приходится поставить завершение векового нашего спора с Турцией относительно Босфора и Дарданелл, а также обеспечение наших прав в Святой земле». Далее идут: «освобождение Армении от турецкого ига»; «Червонная Русь, русская Буковина и соседняя с ними Угорская Русь будут окончательно присоединены к России»; «пришел момент для воссоединения польского народа», и наконец: «к числу намеченных историей целей, заключающих в себе и возможность *территориального роста России в ущерб Германии,* мы должны отнести также и свободу плавания в водах Балтийского моря».

В соответствии с этими задачами Е. П. Ковалевский в конце своей речи говорит: «Несмотря на напряжение военных сил на театрах военных действий, русское общество уже не раз смущали неизвестно кем распускавшиеся слухи об ускоренном якобы заключении мира. Но преждевременный мир до окончательного сокрушения врага знаменовал бы необходимость готовиться к новой войне, которая в самом скором времени стала бы неизбежной».

П. Н. Милюков. «Осуществление национальных задач стоит на верном пути. Мы уверены, что выполнение главнейшей из этих задач—приобретение проливов и Константинополя (голоса: «Браво!») будет своевременно обеспечено как дипломатическими, так и военными средствами» (голоса: «Браво!» Продолжительные рукоплескания). Далее идут «об'единение и освобождение Польши» под властью России, такое же «освобождение Армении». Закончил Милюков свою речь восклицанием: «Да здравствует свободная Россия в освобожденном ее усилиями человечестве!» (Бурные рукоплескания).

И. Н. Ефремов. «В виду злонамеренно распространяемых слухов, мы не можем не сказать, что малодушная остановка на полпути в борьбе с Германией была бы оскорбительным недоверием к народу и его доблестной армии. Преждевременное заключение мира было бы предательством жизненных интересов России и тех великих задач, которые поставлены перед нею воззваниями Верховного Главнокомандующего; оно было бы преступлением перед родиной, нашими союзниками и человечеством, справедливо ожидающим от разгрома Пруссии освобождения от невыносимого гнета милитаризма». Борьба идет «не за завоевание новых земель, не за порабощение других народов».

С. И. Шидловский. «Наш председатель указал, что война ведется не для завоевания территорий, а для борьбы с тем началом, которое признает кровь и железо единственным судьей между людьми. Я пойду дальше и укажу, что эта великая война есть война между двумя непримиримыми воззрениями»... Далее С. И. Шидловский заявил, что «никакие операции с Германией не могут считаться законченными, пока не будет решен вопрос о Константинополе и проливах в интересах России».

В. Н. Львов. «Теперь, когда пора воодушевления сменяется зарей надежды на осуществление целей, поставленных войной, настает время отдать себе отчет в конечных целях войны, спросить, ради чего и против чего мы сражаемся... Всякое усиление Германии должно быть предотвращено расчленением Австро-Венгрии. Наконец, перед нами блещет надежда на завершение Россией ее вековых исторических задач на Черном море».

Савенко. «Наши орлы уже стоят на Карпатах, и мы можем восторженно приветствовать наших братьев у Карпат, воссоединенных отныне с нами навеки. Но крепнет наша вера, что

великому нынешнему царствованию суждено осуществить другую заветную мечту русского народа: я говорю о проливах и Царьграде. Проливы и Царьград должны быть нашими и только нашими» (Общие аплодисменты).

С. В. Левашов. «Русь Червонная, Русь Зеленая, Русь Угорская должны слиться с Великой, Малой и Белой Русью в великую, нераздельную Россию... Проливы, предоставляющие выход из Черного моря, вместе с соответственными участками на европейском и азиатском берегах, должны поступить во владение России».

При этом правый депутат С. В. Левашов счел не лишним пояснить:

— У нас нет никакого основания требовать, чтобы весь немецкий народ был истреблен и сметен с лица земли.

В этом заявлении Левашов разошелся во мнениях с некоторой частью нашей либеральной печати и с «Речью», которая протестовала против мысли, что «в конце-концов придется сожительствовать, худо ли, хорошо ли, и с немцами». И для уяснения русских общественно-буржуазных настроений во всяком случае характерно, что понадобилось со стороны правого депутата формальное заявление о неимении в виду истребления и сметения с лица земли целого народа.

III.

Отступление русских войск в Галиции и на Висле не прекратило появления известий о новых попытках приступить к переговорам о мире. В конце мая появилась телеграмма из Нью-Иорка о том, что в германских кругах готовы поддержать движение к восстановлению европейского мира при посредстве Соединенных Штатов; в германских кругах Нью-Иорка постоянно распространяются слухи о мире, «но,—сказано в телеграмме,—со стороны союзников не было даже намека об этом: союзники понимают, что обсуждение мирных условий невозможно, пока германские войска не очистят французской, бельгийской и русской территорий».

В телеграмме от 8 июня передается сообщение американской газеты, что германский посол в Соединенных Штатах, граф Бернсторф и другие агенты Германии довели до сведения Вильсона, что Германия была бы весьма признательна, если бы

Соединенные Штаты взяли на себя инициативу посредничества между Германией и державами четверного согласия. А 10 июня это известие дополняется («Речь» № 157) сообщением, что в наших дипломатических кругах пока еще не получено официального подтверждения сведений о попытках Германии добиться посредничества президента Вильсона; тем не менее наши осведомленные дипломаты считают это известие близким к истине. «Несомненно,—сказано в «Речи»,—что Германия, напрягающая последние усилия [1]), желает использовать свои временные успехи, чтобы добиться заключения мира на сравнительно выгодных для себя условиях; однако Россия, как и ее союзницы, твердо решили «довести войну до конца» и добиться «полного разрушения германского милитаризма». «Поэтому можно с уверенностью сказать,—говорят наши дипломаты,—что все попытки Германии добиться прекращения войны теперь, в удобный для нее момент, встретят со стороны всех союзников категорический отказ».

Эти слухи о мире летом 1915 года дали русским газетам новый повод говорить об истощении Германии. Отмечалось, что германская печать очень сдержанно, без обычных восторгов, отзывается об успехах в Галиции; и из этого делался вывод, что германцы испугались своих собственных побед, что у них родились «опасения за последствия происшедших событий», которые «несомненно послужат к еще большему единению нас и союзников в стремлении сокрушить дерзкого врага» (телеграмма от 12 июня).

В конце июля, по сообщению «Русского Слова», среди членов Государственной Думы упорно говорили о том, что имп. Вильгельм обратился через Копенгаген к русскому правительству с предложением мира. По словам члена Государственной Думы Е. П. Ковалевского, он из кругов министерства иностранных дел слышал, что Вильгельм предложил следующие условия мира: Германия уступает России всю Галицию вместе со Львовом и Перемышлем и очищает всю Польшу, за исключением западной части ее по реке Варте, между Калишем и Ченстоховом. «Депутаты подчеркивают,—говорит газета,—что Германия, повидимому, истекает кровью, если в момент занятия Варшавы просит о мире. В политических кругах утверждают, что пред-

[1]) В это время Люблин и Холм были еще в русских руках.

ложение Германии будет оставленно нашим правительством не только без ответа, но даже без рассмотрения». Таким образом, возможность окончить войну летом 1915 года, на выгодных для России условиях, была единодушно отвергнута и русской буржуазией, и правительством.

Ровно через месяц, в конце августа 1915 года, газеты сообщают, что датская печать полна известиями из Америки о предстоящем заключении мира. Германские условия мира следующие: восстановление польского королевства, очищение немцами Бельгии, переход Конго к Германии, раздел Сербии между Австрией и Болгарией, переход Бессарабии к Румынии, «пресловутая свобода морей и прочий неприемлемый вздор».

Почти одновременно появилась в «Русских Ведомостях» (№ 192) корреспонденция о заседании рейхстага 20 августа нового стиля, «принесшем, наконец, официальные заявления германского правительства, чего оно, собственно, хочет». Нужно заметить, что уже в июне начались сообщения о перемене настроения в Германии под влиянием ее успехов в Галиции и Польше. С одной стороны, стали обнаруживаться завоевательные стремления реакционных и либерально-буржуазных германских кругов, а с другой—появились более или менее резкие протесты против завоеваний со стороны разных частей германской социал-демократической партии.

Автор корреспонденции в № 192 «Р. Вед.», М. Лурье, подтверждает, что, действительно, пока положение австро-германцев было трудно, до тех пор со стороны германского правительства слышались неоднократные заявления, что оно не желает ни завоеваний, ни контрибуций. Под влиянием же летних успехов настроение переменилось и в газетах началась агитация за аннексии. Нам неизвестны, конечно, сокровенные планы германских империалистов, но важно отметить, что публичное проявление этих планов относится лишь к 1915 году: союзы аграриев и промышленников высказались за присоединение к Германии Бельгии и северной части Франции. А в заседании рейхстага 20 августа имперский канцлер заявил, что Польша должна перейти в общее управление Германии и Австро-Венгрии; в остальном он ограничился указанием на необходимость создания таких условий, которые «обеспечили бы впредь Германию от нападений» и дали бы «достаточное вознаграждение» за жертвы войны.

В то же время канцлер заявил, что германское правительство будет требовать от противников покрытия издержек войны. «Таким образом,—заключает корреспондент «Руссих Ведомостей» в августе 1915 года,—оборонительный характер войны, провозглашенный год назад, окончательно превратился (в Германии) в забытые слова». Вскоре после этого, в телеграмме от 4 сентября, появилось изложение точки зрения английских министров Ллойд-Джорджа и Асквита. Ллойд-Джордж заявил: «Пока хоть один немецкий солдат остается на французской или бельгийской земле,—ни один англичанин не захочет даже и думать о мире».

Асквит добавил: «Мы ни за что не вложим в ножны меча, вынутого нами не с легким сердцем, пока Бельгия не получит сполна всего, что она потеряла, и даже больше того, чем она пожертвовала, пока Франция не будет достаточно обеспечена против всяких угроз нападения, пока права маленьких народов Европы не будут зиждиться на неприступном основании, и пока военное господство Пруссии не будет вполне и окончательно разрушено».

Позиция Ллойд-Джорджа и Асквита станет более ясной, если мы обратимся к газете «Таймс» за ответом на вопрос: на кого же или на что надеются англичане. «Вся Россия днем и ночью,—отвечает «Таймс»,—изготовляет оружие и снаряды»; течет «непрерывный поток военного снаряжения в русские арсеналы из союзных и нейтральных стран»; в России «серые герои» «в количестве миллиона» ждут очереди, чтобы вступить в бой, лишь только они будут полностью вооружены; поэтому «кто, как не глупец, может думать о мире» (тел. петр. тел. аг. из Лондона, от 12 ноября 1915 г.). К этому времени в русских газетах уже открыто говорилось о «разделении» труда между союзниками: Англия дает деньги, а Россия—солдат. Таким образом, не стыдились признать, что русская армия была продана англичанам.

Сентябрь и первая половина октября 1915 г. явились периодом затишья в отношении разговоров о возможности мира и об его условиях. Но с конца октября сообщения о попытках Германии возобновились. Говорили о том, что копенгагенские газеты полны всевозможными слухами о настойчивых попытках Германии добиться мира. Для этой цели Германией будто бы мобилизованы главы всех нейтральных государств: Вильгельм

будто бы обратился и к Папе, и к Вильсону, и к Испанскому королю с просьбой позондировать почву в Лондоне и Париже. Затем новые выступления германских агентов с предложениями начать мирные переговоры отмечались в разных городах Европы и Америки: в Берне, Стокгольме, Вашингтоне, Бухаресте и Копенгагене. За восстановление мира принялись хлопотать в особенности шведский посланник в Вене, премьер министр Люксембургского герцогства и один американец, близкий друг Вильсона. Из американских официальных кругов, по словам «Таймса», подтверждались слухи о возможности в ближайшее время открытия переговоров об условиях мира. В то же время велись какие-то переговоры в Голландии, с участием некоторых членов германского рейхстага. Согласно телеграмме Петроградского телеграфного агентства из Стокгольма от 25 октября,— «Германия и Австрия теперь еще более склонны к заключению мира, чем раньше».

Несколько позже стали появляться сообщения о взглядах на мир, высказанных различными видными деятелями австро-германского лагеря. Например, венгерский премьер-министр, граф Тисса, в беседе с корреспондентом Нью-Иоркской газеты, заявил, что исключительно от держав согласия зависит, продолжать ли войну или заключить мир. В венгерском парламенте граф Андраши заявил, что момент для заключения мира уже наступил, но противники австро-германцев прилагают все усилия, чтобы повернуть военное счастье в свою сторону.

В конце ноября из Америки сообщили новую версию о германских условиях мира: Германия пред'явила требование полного владычества на Балканах, обеспечивающего ей дорогу в Константинополь и в Малую Азию; далее—образования между Германией и Россией государств-буферов, включая новое королевство (Польское) и увеличение румынской территории; затем Германия согласна восстановить старые границы на западе, очистив Бельгию и даже сделав Франции незначительные территориальные уступки в тех областях Эльзаса, где население говорит по-французски.

Почти одновременно в «Голосе Руси» передавалась копия декларации, с которой будто бы намерен выступить Вильгельм. Он выскажется за то, чтобы прекратить кровопролитие и дать Европе возможность залечить свои раны в течение долгого мира; он обещает очистить территорию Бельгии и Франции,

войдя в то же время в соглашение с Англией относительно Антверпена; Польша будет превращена в автономное государство; России будут возвращены все занятые немцами провинции; независимость Сербии останется неприкосновенной; Англия должна предоставить Германии полную свободу на морях и ничем не стеснять германской торговли.

Одновременно со всеми этими сообщениями о желании правящих кругов Австрии и Германии приступить к ликвидации войны чаще прежнего стали появляться известия о росте настроения в пользу мира среди населения этих стран. В заметке под заглавием: «Жажда мира» («Речь», 8 декабря 1915 г.) передается замечание одной нейтральной газеты: «Замечательно, что когда возникают слухи об условиях мира, можно с достоверностью сказать, что они идут из Берлина. Однако, сторонники продолжения войны сохранились и в Германии до конца 1915 года. Среди правых политических деятелей Германии развиваются планы доведения войны до победоносного конца» («Р. Вед». 22 дек.). Орган католического центра доказывал, что Германия больше всего должна бояться мира, «который не оправдал бы принесенных народом жертв» («Речь», 4 декабря). Граф Ревентлов проповедует, что «нужно продиктовать условия мира, приставив штык к груди врага». Вместе с сохранением воинственных настроений в германских реакционных кругах сохраняются и широкие завоевательные планы, вплоть до присоединения всех земель, «обагренных немецкой кровью».

Против завоевательных стремлений реакционеров и против их лозунга войны до конца раздаются даже из буржуазной германской среды протесты против всяких завоеваний (аннексий), или против аннексий в Европе, или против аннексий областей с населением, не говорящим по-немецки. Англофобские выступления реакционеров встречают протесты с указанием, что не следует раздражать людей, с которыми придется обсуждать договоры, что не следует отталкивать врагов и издеваться над ними,—особенно в моменты, когда с их стороны проявляется хоть тень готовности говорить о мире. «Само собой разумеется,—писал в конце октября Теодор Вольф, редактор либеральной берлинской газеты,—что германский народ, за исключением немногих забияк и корыстолюбцев, извлекающих пользу из войны, желает прекращения кровопролития». А приблизительно чрез месяц он же говорит: «Герма-

ния вправе ясно и громко говорить о возможности мира, так как она постоянно показывает на деле, насколько она находится на высоте положения».

В «Речи», от 25 декабря, находим большой фельетон Д. Философова—«Рождественские мечты австро-германцев». Автор имел в руках рождественские номера четырех австрийских и германских газет разных направлений. Общее впечатление от этих газет он формулирует в виде двух положений: «во-первых, замечается у наших противников большая усталость и в связи с этим непомерное желание точно определить конкретные цели и конкретные пределы войны; во-вторых, замечается большая разочарованность: надежды на мир, как на следствие грандиозных побед, рушились. Эти две вариации на основную тему—жажда мира—слышатся в разной степени и в разных тональностях во всех вышеназванных газетах».

«В начале войны мы думали»,—говорит Д. Философов,—«что все германцы превратились почти в автоматов на службе государству; мы воображали, будто они делают это с легкостью, и восторгались пресловутой германской «государственностью». Оказывается же, что этот пресловутый порядок заключал в себе великий «надрыв»: война еще не кончена, а культурная личность начинает уже тосковать по личной свободе». Усталость и непреодолимая жажда мира в Германии дают повод русскому автору радоваться, проявляемому в России негодованию против всяких мирных попыток.

Еще сильнее, чем в германской либеральной буржуазии, настроение против войны и агитация в пользу мира наблюдаются среди германских рабочих и германской социал-демократии. Известий об этом в русских газетах появлялось много. Но важнее, чем словесная агитация, проявление массового рабочего движения в Германии против войны. О них находим интересную корреспонденцию в «Русских Ведомостях», от 13 декабря. Уличные столкновения на почве дороговизны случались в германских городах с начала войны; они заканчивались, сравнительно, добродушно. Но безмерное затягивание войны привело к наростанию политического брожения. И отношение между администрацией и демонстрацией резко переменилось, как только стал проявляться политический, противовоенный протест.

Первые небольшие, женские демонстрации в Берлине в марте и мае окончились лишь тем, что полиция «просила

честью». В конце осени брожение усилилось,— по мере того как война стала затягиваться и начали обнаруживаться завоевательные планы правительства.

9 декабря 1915 года в Берлине произошла крупная демонстрация. Около десяти тысяч социал-демократов собрались на главной улице с криками: «Долой войну! Мира и хлеба!». С пением марсельезы толпа двинулась к рейхстагу. Конные жандармы несколько раз бросались на толпу с обнаженными саблями. Оттиснутая в боковые улицы, толпа вновь собралась с криками: «Долой войну! Да здравствует мир!». На площади народ вновь был атакован жандармами. Об уличных демонстрациях в эти дни сообщалось также из других германских городов: Дрездена, Лейпцига, Геттингена.

Об уличных протестах против войны сообщалось не только из Германии, но и из Болгарии. В конце ноября перед королевским дворцом произошла социалистическая демонстрация против войны. Были раненые и убитые.

В конце ноября 1915 года в рейхстаге обсуждался запрос о мире, внесенный социал-демократами. Но сообщения русских газет об этом запросе больше характеризуют настроение самих газет, чем германцев: в русской буржуазной печати возможность окончания войны продолжала встречать единодушный протест. Трудно сказать, какую роль в этом единодушии играло английское и французское золото. Известно лишь, что наши союзники вообще не жалели денег на подкуп заграничных газет как в нейтральных, так и в воюющих странах. Как бы то ни было, русская печать в вопросе об окончании войны следовала всегда за английскими и французскими газетами. Приведем некоторые данные об отношении к миру во Франции, в Англии и Италии.

Относительно позиции правительства и общественного мнения в Англии мне уже приходилось говорить. Это, отчасти, позиция войны во что бы то ни стало, без каких бы то ни было переговоров о мире (газета «Таймс»), частью же позиция продолжения войны впредь до появления «серьезных» предложений о мире (министр Асквит). Но этими определениями еще не исчерпывается вопрос. В самом деле, какие предложения Асквит готов был бы признать «серьезными»? В русской печати (например, см. «Речь», 5 ноября 1915 г.) передавалось справедливое мнение, что истинные цели войны и желательные усло-

вия мира тщательно скрываются как правительством Германии, так и правительствами Франции и Англии.

Этот факт находит себе подтверждение в мысли, высказанной норвежским министром Кнудсеном, и переданной петроградским телеграфным агентством в телеграмме от 10 декабря. Кнудсен высказал, что в настоящий момент ни одна нейтральная страна не может выступить посредником в мировой войне, так как всякое такое вмешательство было бы понято лишь превратно; и затем он указал, что и германский канцлер высказывает готовность очистить Бельгию, и английский министр Асквит ставит «единственным условием» мира восстановление Бельгии.—«Что же мы можем при таких условиях сделать?»—сказал в заключение Кнудсен. Действительно, что же делать, если две воюющие стороны выставляют одно и то же условие для заключения мира и все-таки не хотят приступать к началу переговоров? Очевидно приходится думать, что воюющие стороны недостаточно полно высказали свои цели.

Остается, поскольку речь идет об Англии, ознакомиться с английским «общественным мнением» на этот вопрос. К сожалению, в русских газетах нам почти не случалось встречать указаний на эту тему, если не считать того, что пишется в «Таймсе». Тем более интереса представляют два факта, приведенные в газете «Речь» 3 декабря 1915 г.

Во-первых, в английском журнале—«Nation» бывший министр Мастерман выступил с доказательством, что владения Германии должны быть ограничены исключительно немецкими землями, и что Германия не может господствовать над не немецкими народностями; южно-африканские колонии ни в каком случае не должны быть возвращены Германии; Бельгия и Франция должны быть расширены путем получения «стратегических границ»; сверх того, Германия должна уплатить контрибуцию свыше 2 миллиардов фунтов стерлингов (30 миллиардов рублей), а с германским флотом должно быть покончено.

Во-вторых, в одном из манчестерских либеральных клубов Роденом Бакстоном был прочитан доклад, в котором выставлены следующие условия мира:

1) Германия совершенно очищает Бельгию, Францию, Польшу, балтийские провинции и Сербию.

2) Германия возмещает Бельгии убытки.

3) Специальные требования Франции в отношении Германии, а Италии и Сербии—в отношении Австро-Венгрии, как и требования России относительно Турции, разрешаются по соглашению с Англией, при чем последняя следит за тем, чтобы означенные решения находились в соответствии с принципом национальности.

4) Притязания Германии на обладание колониями признаются, но число ее колоний уменьшается, по сравнению с прежним, а именно: германские колонии, занятые Японией и Австралией, остаются у последних, а германские владения в юго-западной Африке переходят к Англии.

5) Специальная конференция рассматривает спорные вопросы о воспрещении каперства, об изменении понятия блокады и др.

Как видно из обоих этих проектов, в английском обществе существуют широкие завоевательные планы по отношению к Германии и Австрии, а сверх того, и тенденция подчинить своему надзору и руководству союзные с Англией государства (третий пункт проекта Бакстона). Но всем известно, что ни положение дел на театре военных действий, ни соотношение военных сил Англии, с одной стороны, и России, Франции и Италии—с другой, не давало основания в 1915 году, как не дает и в 1917 году, ожидать, чтобы в результате мирных переговоров могла быть осуществлена программа Бакстона. И потому понятно нежелание англичан слышать о мире и уклончивая позиция Асквита, которому удобнее, конечно, говорить о Бельгии и недоговаривать об аннексии южно-африканских колоний и иных территорий.

Что, именно, в завоевательных планах англичан лежит одна из причин невозможности начать мирные переговоры,—это прямо подтверждается третьим сообщением в том же номере газеты «Речь», от 3 декабря. В одном из английских умеренных политических журналов, говорится в этом сообщении, формулированы следующие условия мира: 1) восстановление Бельгии; 2) аннексия Францией Эльзаса и Лотарингии; 3) восстановление русского владычества в Польше; 4) изгнание турок из Европы; 5) завоевание Италией Истрии и Трентино; 6) лишение Германии колоний на Дальнем Востоке; 7) завоевание Сербией Боснии и Герцеговины и образование Великой Сербии; 8) полное истребление прусского милитаризма. Далее говорится: «так как, с одной

стороны, ни от одного из этих требований отказаться нельзя, а с другой — достижение этих требований пока немыслимо, то никаких шансов на мир пока нет».

Что касается французских настроений в конце 1915 года, то о них наиболее яркое представление дает корреспонденция Е. Дмитриева в «Речи», от 11 ноября[1]). О завоеваниях, или как выражается Е. Дмитриев,—«о перекройке карты нашего континента» во французской печати не мало полемизировали еще с начала 1915 г. Диссертации на эту тему появлялись и в виде брошюр, и в форме толстых книг; все они заключали крайние, максимальные требования, направленные против Германии. Иного рода сочинений «о переустройстве Европы» цензура не разрешала.

Французские патриоты угрожали немцам расчленением Германии. Аннексия Эльзаса и Лотарингии была делом решенным, при чем даже социалисты во Франции отказались устроить опрос (плебисцит) среди населения этих двух провинций: отторжение их от Германии и присоединение к Франции должно произойти в результате военных операций, независимо от воли населения Эльзаса и Лотарингии, и даже вопреки этой воле. При чем считается, что такое присоединение является не аннексией, не завоеванием, а «возвращением».

В начале ноября новый премьер-министр, Бриан, выступил в палате депутатов с декларацией, в которой коснулся и вопроса о мире. «На мир, — заявил он, — врагам нечего рассчитывать прежде, чем Франция и ее союзники освободят от неприятельского нашествия свои собственные провинции, считая и отторженные сорок четыре года тому назад Эльзас и Лотарингию, а затем Бельгию и Сербию, и не восстановят режима права и свободы для всех наций Европы». Формула Бриана показалась недостаточной социал-шовинисту Реноделю, который «выразился яснее», то-есть, предложил палате отказаться от иных завоевательных планов, кроме завоевания Эльзаса и Лотарингии. Слова Реноделя «подняли в палате целую бурю». Депутаты вскипели— Реноделю не дали кончить речь. Но, благодаря новой речи Бриана, палата успокоилась; дополнительная формула Бриана, по Е. Дмитриеву, заключается в следующем: «обессилить и обезвредить врага, гарантировать народам на долгие годы независимость и спокойствие—такова цель войны, кроме освобождения

[1]) См. также статью Лозовского в «Летописи» за декабрь 1915 года.

отдельных провинций и целых государств, находящихся под тяжелой германской пятой. Но Франция никого, даже немцев, не желает насиловать и готова, напротив, в будущем *признавать за ними место в семье европейских народов*, когда они сами откажутся от желания насиловать других. Для мира нужны не завоевания, а восстановление прав всех наций. Такова французская формула мира, не исключающая и немецких прав».

Этой формулой были удовлетворены и французские социалисты, и вся палата депутатов. А нам она дает ценное указание на то, что и во французском обществе была до этого тенденция не признавать за немцами места в семье европейских народов (по выражению русских либералов, «стереть германизм с лица Европы»), равно как и тенденция не признавать за немцами никаких прав. В дополнительной декларации Бриана остается неразъясненной, и потому допускающей самые разнообразные толкования, мысль об «освобождении» из-под власти немцев отдельных провинций и целых государств.

Относительно настроений в руководящих кругах французской социалистической партии дает представление вопрос об участии в Циммервальдской конференции. На этой конференции, принявшей резолюцию против войны, участвовали социалисты и нейтральных, и воюющих стран, в том числе Франции, Германии и России. Участие французов вызвало протест постоянной административной комиссии французской социалистической партии. В своей резолюции по этому поводу вожди партии высказали, что «прочный мир может быть достигнут только путем победы союзников и разгрома германского милитаризма» для того, чтобы «миру дан был великий и необходимый урок, как стремление к гегемонии разбилось о сопротивление свободных народов», то-есть, самодержавной России и ее союзников, успевших за время войны растерять почти все свои «свободы».

Таким образом, относительно Франции приходится сказать приблизительно то же, что мы говорили об Англии; и здесь, как и там, завоевательные планы к концу 1915 года находились в полном несоответствии с положением дел на театре военных действий, и потому о желании французского общества теперь же кончить войну не могло быть и речи.

Относительно Италии мы отметим лишь статью барона Б. Э. Нольде—«На старом рубеже» («Русская Мысль», 1915 г., № 12). Эта статья очень интересна также и для характеристики

позиции наших либералов. Давно замечено, что у последних не одна, а две позиции: одна газетная для широкого круга читателей, а другая—журнальная и отчасти книжная,—для своего собственного более интимного круга. Разница позиций заключается в том, что для широкого круга с войной связываются всякого рода освобождения: от национального гнета, от милитаризма и т. д.; а в статьях для интимного круга с этими «освобождениями» наблюдается не слишком изысканное обращение...

Статья бар. Нольде предназначена для интимного круга. Поэтому в ней прямо говорится, что войной решается «грандиозная поземельная распря»; национальному же вопросу отводится заднее место: «Карта мира не может и не должна стать только этнографической картой»,—пренебрежительно отмахивается барон Нольде от «национального принципа» и добавляет,—«Чем ближе присматриваешься к тому, что переживает сейчас Европа, тем яснее, насколько более бедным было бы содержание событий, если бы оно исчерпывалось чистой этнографической борьбой,—борьбой за торжество начал национальности».

Против принципа национальности бар. Нольде был вынужден выступить ради того, чтобы готовиться к моменту окончания войны «ясным усвоением своих и союзных задач». В статье: «На старом рубеже» выясняются задачи Италии; из статьи видно, что не только национальные, но и «государственные» цели преследуются Италией при завоевании Триеста и Трентино, и что сверх того имеется в виду завоевания всей или части Албании, некоторых островов с не-итальянским населением и так далее.

Нужно заметить, что относительно позиций Италии в нашей либеральной печати наблюдается больше прямоты и откровенности, чем относительно позиции других, воюющих на стороне «согласия», стран. В то время как империалистские стремления других стран, по возможности, затушевываются громкими фразами о культуре и прочих красивых вещах,—те же стремления Италии выставляются в обнаженном виде. Для примера можно привести статьи из «Р. Вед.» и «Дня» в новогодних номерах 1916 года.

Вот как излагаются в «Р. Вед.» положение Италии и мотивы ее вступления в число воюющих держав:

«...Отказавшись от активного выступления на стороне своих союзниц, Италия в то же время колебалась примкнуть и

к державам согласия. Интересы новой, торгово-промышленной Италии, несомненно, должны были толкать итальянское правительство в сторону согласия. Не к западной, французской половине Средиземного моря тянут Италию эти интересы; они тянут ее на Восток: на Балканы и в Малую Азию. Наиболее серьезным конкурентом Италии являются здесь за последние годы не Франция и Англия, а Германия и Австрия. Победа германо-австрийского союза грозила окончательно закрепить экономически за центральными державами эти территории; положение итальянской торговли оказалось бы там, в таком случае, весьма неустойчивым. Наоборот, поражение Германии и Австрии, достигнутое при участии Италии, открыло бы для нее на Ближнем Востоке самые широкие перспективы. С другой стороны, оно обещало передать в ее руки как стратегическое, так и экономическое господство на Адриатике. Таковы были общие условия, предрасполагавшие Италию к выступлению на стороне согласия... Переговоры с Австрией о возможных компенсациях за нейтралитет итальянское правительство начало еще в ноябре 1914 года; в декабре в них вступила в качестве посредницы Германия... Одновременно Италия вела переговоры и с державами согласия. Так как соглашение Италии с Англией, Россией и Францией предполагало ее участие в войне, тогда как соглашение с Австрией—только нейтралитет, то и требования Италии здесь были гораздо выше. Часть этих требований вызывала даже некоторые трения, так как их удовлетворение шло вразрез с интересами малых славянских народностей Австро-Венгрии и с притязаниями Сербии. Но, в конце-концов, державы согласия решили пожертвовать этими мелкими национальными интересами и притязаниями высшему и реальному интересу победы над Германией... Так как и стратегическая обстановка момента, и политические условия складывались в марте 1915 года более благоприятно для дела согласия, то Италии было нетрудно сделать выбор...».

Вот каким языком должны были бы говорить правдивый историк и правдивый политик о позиции и мотивах действий не только Италии, но и других воюющих стран! Они должны были бы, при анализе исторических событий наших дней, говорить о том, кого куда «толкают» и «тянут» интересы торгово-промышленного класса; кто кому является «серьезным конкурентом», как для кого складывалась «стратегическая обстановка»

и т. д. А лживыми и лицемерными (для данного исторического момента) фразами о «простых законах нравственности и права», о праве на «самозащиту», о самоопределении наций, о культуре и свободе, о правоте и виновности, о борьбе против милитаризма и прочими подобными выдумками честный писатель должен был бы постыдиться жонглировать...

Подобно автору цитированной нами статьи в «Русских Ведомостях», и новогодний обозреватель (1916 г.) газеты «День» стоял на почве реальности, когда говорил о позиции Италии, Болгарии и Румынии: весь вопрос сводится к тому, что кому выгоднее с точки зрения торгово-промышленной конкуренции. И невольно встает вопрос: почему же наши либеральные и либеральствующие политики считают излишним распространять свою правдивость за пределы круга второстепенных участников событий? Почему они замалчивают вопрос о торговых интересах Англии, Франции, Америки и России, как о причине этой невиданной бойни народов?

Я уже отмечал, что у наших либералов существуют во многих важных случаях одновременно две точки зрения: первая—более серьезная—проводится в книгах и журналах, рассчитанных на меньший круг читателей, и вторая, проводимая в газетных статьях—для более широких кругов, для тех, кто поглупее.

В конце 1915 года «для читателей поглупее» попрежнему твердилось об истощении Германии, о том, что она напрягает последние силы. А в то же время, например, в редакционной статье дорого стоющего либерального журнала «Вестник Европы» (№ 11, стр. 347) откровенно признавалось:

«Внешние обстоятельства складываются как будто неблагоприятно для противников Германии и не обещают им скорой победы; в лучшем случае, насколько можно судить по ходу успешных французских «продвижений» в Шампани, потребовалось бы много времени для окончательного вытеснения немцев из занятых и укрепленных ими местностей при той системе наступательной тактики, которая практикуется союзниками в настоящее время. Рассчитывать только на истощение Германии и ее ресурсов—значило бы откладывать дело победы на слишком долгий срок, что едва ли соответствовало бы намерениям заинтересованных правительств. Но представители антигерманской коалиции все же не сомневаются в конечном успехе и, разумеется, они имеют для этого веские основания».

Какие же основания?

— Известно только одно,—отвечает редакция либерального журнала,—что победа держав согласия есть безусловная необходимость. Жутко становится, когда подумаешь, что было бы, если бы немцы прочно водворились в Константинополе и в «Прибалтийском крае».

Жуткое раздумье, повидимому, водило и рукой автора «Иностранной Летописи» в буржуазно-демократическом журнале «Русские Записки» (№ 11, стр. 259—261), когда он писал:

«С тех пор как усложнилось положение дел на Балканах, исход войны становится еще более сомнительным. Выступление Болгарии на стороне центральных империй, выжидательная политика Греции и Румынии, вероятность существования тайного договора между Грецией и Болгарией, непосредственная стратегическая и политическая связь Берлина и Вены с Константинополем,—все это, увеличивая число партнеров в игре, усложняет вместе с тем и перспективы. Как и когда окончится война,—становится все более трудной для решения загадкой».

То же жуткое раздумье вынуждает автора статьи в «Русских Записках» усомниться в целесообразности лозунга борьбы до окончательной победы:

«Если придавать вообще известное значение словесным формулам, как, например, «бороться до окончательной победы», в дни кровавой действительности, то придется сказать, что такие лозунги с обеих сторон чреваты ужасающими недоразумениями. Что каждый из борющихся лагерей может считать окончательной победой? Какие, выловленные из рек крови, результаты в состоянии удовлетворить людей, выдвигающих подобный девиз?»

Кажется, достаточно будет двух, приведенных нами, выдержек из толстых, серьезных журналов, чтобы ярче осветить роль либеральных газет, рассчитанных на «читателей поглупее», в ответственные моменты войны.

Подводя итоги фактам, приведенным в настоящей статье, приходится прийти к следующим выводам.

Не касаясь вопроса о том, насколько серьезны и основательны были газетные сообщения о желании Германии окончить войну на тех условиях, которые сообщались в печати, приходится признать, что русская буржуазия со всевозможной «нетерпимостью» относилась ко всяким слухам о мире.

— Продолжение войны во что бы то ни стало,—таков был лозунг русских либералов в 1914 и 1915 годах. При этом публика все время оболванивалась криками об истощении Германии и о скорой «окончательной победе». Но либеральные политические деятели уже в январе 1915 года знали, что русской армии грозит разгром, вследствие отсутствия снарядов. А в конце 1915 года, как видно из признания «Вестника Европы», положение России на театре военных действий уже рисовалось самим либералам в мрачном, почти безнадежном свете. И тем не менее, крики против всякой мысли о мире и фразы о скором победном конце продолжали раздаваться попрежнему громко.

Таким образом, либералы сознательно вели Россию к тому безвыходному положению, в котором она оказалась на третьем году войны. Чем об'яснить это предательство? Конечно, дело не обошлось тут без влияния англо-французского золота. Но одного этого об'яснения мало. Сыграло несомненную роль и то, что сама война оказалась для буржуазии чрезвычайно выгодным коммерческим предприятием; а где же видано, чтобы капиталисты добровольно ликвидировали свои доходные предприятия?

Либеральная буржуазия и воинствующая русская интеллигенция в полной мере, наряду с царским черносотенным правительством, должны нести моральную ответственность за бесконечное затягивание войны, за все жертвы этой бойни, за все то горе и разорение, которые принесла эта война русскому народу.

ДОРОГОВИЗНА [1]).

Цены на все жизненные припасы, на пищу, на одежду растут неимоверно. Все чаще люди спрашивают себя:—Как жить? Что делать? Прежде всего, конечно необходимо уяснить себе главную, основную причину дороговизны, а затем—бороться против этой основной причины, а не против причин второстепенных и побочных.

Когда говорят о причинах дороговизны, то называют многое: отсутствие организации потребителей, спекуляцию, недостаток заботы со стороны городских управлений и т. п.

Однако, все знают, что и в потребительских, и в городских лавках цены растут вслед за рыночными ценами, а часто

[1]) Эта и след. статьи напечатаны были в «Голосе Печатного Труда».

и вовсе нет многих товаров. Значит, заботами потребителей и городских управлений не остановить роста цен. Почему?

Потому что для дороговизны имеются совсем другие, более важные причины: недостаток товаров, сокращение их производства вследствие недостачи в рабочих, повышение косвенных налогов, излишек бумужных денег, вызванный экстренными расходами правительства.

Откуда же произошла недостача товаров? От стихийных причин или же от причины, зависящей от людской воли?

Засуха ли пожгла все поля, или же чрезмерная сырость погноила посевы? Не от чумы ли погибли и лошади, и рогатый скот? Не холера ли обезлюдила деревни и города наши? Или пожары истребили все гумна и скотные дворы? Или землетрясения разрушили фабрики и заводы?

Все такие причины недостачи продуктов мы назвали бы стихийными причинами, не зависящими от людской воли. И если бы все такие несчастья потребовали экстренных расходов от правительства на помощь пострадавшим, то мы сказали бы, что и излишек бумажных денег вызван стихийными причинами, независящими от воли человека.

Но мы знаем, что чрезмерной засухи или сырости, ни пожаров, наводнений и землетрясений, ни повальных болезней на людях и на скоте не было. Непомерная дороговизна, недостача товаров и работников вызвана причиной, зависящей от людской воли; таким образом устранение дороговизны равносильно устранению главной причины ее (т.-е. войны).

Известно, что не все страдают от дороговизны. Многие от нее богатеют, не успевают считать барышей. Таким господам невыгодно устранение причин дороговизны. Они, напротив, проповедуют, чтобы причина оставалась до конца, то-есть, чтобы дороговизна росла без конца. Естественно, поэтому, что одни люди будут стоять за прекращение причины дороговизны, а другие—против этого.

Что же касается борьбы с дороговизной путем городских лавок, кооперативов, продовольственных комитетов и прочее, то такая борьба не может помочь делу: в лучшем случае она дает возможность с'экономить грош там, где теряются рубли.

28—15/XI—№ 1.

ЧТО БУДЕТ?

Одним из самых интересных, самых важных вопросов рабочей жизни является то, что корреспондент «Русских Ведомостей» (от 19 ноября) назвал «возрождением крепостного права в Германии». Это—введение «всеобщей рабочей повинности» и «обязательная организация всего производства».

Весь труд рабочих-мужчин в Германии отныне об'является государственной повинностью. Государственная власть распределяет рабочих по промышленным предприятиям. Хозяева положения могут отрывать рабочих от семьи, от дома, от привычной профессии и переводить, куда захотят.

Вслед за Германией, по словам того же корреспондента «Р. Вед.», возникают подобные проекты и в Италии, и во Франции. Повсеместное распространение принудительного труда становится фактом.

Но *ничто* не возникает в общественной жизни *внезапно*.

«Вольнонаемный труд» был неразрывно связан с «свободной конкуренцией». Пока многие сравнительно не крупные хозяева соперничали между собою и в найме рабочих, и в продаже товара, до тех пор рабочий мог «свободно» (под давлением голода) выбирать себе хозяина.

Но конкуренция между хозяевами приводила к тому, что предприятия становились все крупнее, а число предприятий все меньше. Облегчалось соглашение между хозяевами о порядке эксплоатации рабочей силы. Дальше самые крупные предприятия об'единялись в союзы (картели, синдикаты, тресты) и в производстве отдельных отраслей установлялась монополия.

Сначала—черные списки, рассылаемые хозяевами друг к другу, а затем—монополии уже привели к тому, что и прежняя «свобода» рабочего, свобода выбирать хозяина, стала призрачной.

Между тем группы капиталистов, монопольно хозяйничавших каждая в своей стране, пришли к острому конфликту между собою. В этом конфликте они использовали старинные предрассудки, чтобы усилить и укрепить те зачатки нового принудительного труда, которые наметились еще до конфликта.

Самым полезным для капиталистов оказался древний предрассудок зоологического характера, получивший название «национализма».

Возрождение национализма является удобной почвой для воскрешения принудительного труда.

Конечно,—если говорить только о Германии,—возрождение крепостного права стараются там оправдать исключительными обстоятельствами. Но вопрос вот в чем: не являются ли сами эти исключительные обстоятельства, независимо от того, в чью пользу они кончатся, уже теперь в высшей степени выгодными и приятными для крупнейших капиталистов и аграриев (помещиков)?

Посмотрим, что происходит.

На полях крупнейших землевладельцев, как и в предприятиях капиталистов, раньше работали вольнонаемные рабочие, имевшие возможность проявлять свое недовольство уходом с работы, забастовками и тому подобное. А теперь работают совершенно бесправные чужестранцы (т.-е. пленные, и этих чужестранцев насчитывается уже в главных странах Европы много миллионов человек). Их труд оплачивается много ниже, чем труд вольных туземных рабочих. Их права сводятся к арестантскому положению, к рабству.

Спрашивается: захотят ли хозяева отказаться от такого бесправного рабочего-чужестранца и заменить его местным рабочим, хоть немного более обеспеченным в своих правах? А если не могут захотеть, то ясно, что они до последней возможности будут затягивать исключительные обстоятельства.

Далее, под предлогом тех же исключительных обстоятельств, вольнонаемный труд заменяется принудительным трудом привозных рабочих (колониальных, инородческих). Один из примеров тому—принудительный вывоз рабочих внутрь Германии из Бельгии и Польши. Спрашивается: могут ли захотеть хозяева заменить подневольный труд привозных инородческих рабочих трудом более требовательных и более полноправных вольнонаемных рабочих?

Оглянитесь, далее, вокруг себя: много ли вы найдете среди взрослых, здоровых мужчин-рабочих таких, которые действительно могут считаться вольнонаемными? Таких, которые не привязаны к своему месту опасением худших последствий?

Новое положение распространилось только на взрослых, здоровых рабочих. Но ведь в них заключалась главная сила пролетариата. Когда эта сила сломлена, не так уж трудно бу-

дет распространить новый порядок и на женщин, и на пожилых людей, и на подростков, и на лиц, не вполне здоровых.

Та картина правового положения рабочих, которая наблюдается сейчас в Германии и других странах Европы, была немыслима еще совсем недавно. И если удалось так быстро изменить положение рабочих, то возникает вопрос: не постарается ли капитал затянуть использование зоологических предрассудков и дальше? Если так, то и весь конфликт приобретает новый характер: это будет уже конфликт не только за рынки, но и за захват подневольной рабочей силы.

Подведем итоги.

«Вольнонаемный» труд рабочих теряет свою прежнюю роль по мере того, как «свободная конкуренция» между капиталистами превращается в капиталистическую монополию.

Процесс превращения вольнонаемного труда в труд принудительный необычайно ускорился одновременно с развитием конфликтов между различными группами монопольного капитала; при этом были использованы зоологические предрассудки несознательных масс.

Превращение вольнонаемного труда в принудительный дает большие выгоды аграриям и монополистам промышленного капитала.

Превращение вольнонаемного труда в принудительный неизбежно должно будет распространиться на женщин, стариков, подростков и лиц, не вполне трудоспособных.

Конфликт между группами капитала из-за рынков превращается в тоже время в конфликт за обладание подневольными рабочими.

5/I—17 г.,—23/XII—16 г., № 2.

ВОПРОС О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА.

Первая половина декабря была полна толками о мирном предложении сначала со стороны Германии и ее союзников, а затем—со стороны американского президента Вильсона.

Предлагая вступить в мирные переговоры, германцы не указали условий мира. Они лишь высказали убеждение, что «предложения, которые ими будут сделаны, окажутся пригод-

ными для того, чтобы послужить основой для восстановления прочного мира».

В газетах и среди политических деятелей держав согласия поднялся вопрос: выслушать или не выслушать германские условия? Решение склонилось к тому, чтобы не выслушать. А выступление Германии и ее союзников рассматривается, как признак ее истощения. Газета «Русские Ведомости» добавляет от себя недовольство тем, что тон германцев не соответствует тону побежденной стороны.

Министр иностранных дел Покровский указал на вводимую в Германии трудовую повинность, как на доказательство тяжести положения, в котором она находится.

Родзянко добавил, что Германия пытается лишь собрать «последние угасающие силы», и об'явил, что до овладения Константинополем и проливами Россия не должна заключать мира.

Вскоре после того, как выяснилось нежелание в державах согласия выслушивать мирные условия, выступил президент Вильсон. Он «предлагает найти случай, чтобы узнать от воюющих наций о тех условиях, на которых, по их мнению, может быть закончена война».

Русскими, английскими и французскими газетами это предложение Вильсона встречено недружелюбно. Главный орган русских либералов, газета «Речь», так об'ясняет свое недружелюбие:

«Италия еще не взяла Триеста, Франция еще не положила основы прочной стратегической и хозяйственной границе в бассейне Рейна, Англия еще не покончила с германским флотом, английские колонии еще не приобрели гарантии для закрепления за собой плодов колониальных побед... Можно ли при этих условиях начинать разговоры о мире?»

В доказательство того, что не только политические и газетные деятели, но и вся Россия не хочет мира, «Речь» приводит приказы по войскам генералов Эверта и Брусилова и добавляет:

«Когда с фронта раздается голос, отвергающий предложение противника начать мирные переговоры, когда с фронта раздается призыв удвоить энергию и довести борьбу до победного конца, то уже не может быть ни малейшего сомнения, что таково настроение всей страны и ее детища— армии, таково настроение России» («Речь», 10 дек., «Два приказа»).

5/I—17 г.,—23/XII—16 г., № 2.

ДОРОГОВИЗНА.

Быстро растут цены на все товары. Дороговизна—очень острый вопрос наших дней. О ней все говорят. Всякие расчеты стали почти невозможны. Заработали вы, например, 50 рублей и решили купить то-другое из самого необходимого. А пойдете покупать,—за одно переплатите, за другое простоите полдня в очереди и уйдете с пустыми руками.

В то же время дороговизна сейчас—очень скучный вопрос; скучно читать о всех этих таксах, твердых ценах, розысках спекулянтов, уголовных законах, штрафах и прочей сутолоке вокруг дороговизны.

Почему же скучно? В чем дело?

Попробуем разобраться.

Рост цен начался давно. Еще до войны о причинах дороговизны исписаны горы бумаги. И сама по себе дороговизна, если бы цены росли на все товары равномерно, не заключала бы в себе ничего страшного. В самом деле, представьте себе, что цены на все товары возросли, например, вдвое. Раньше, положим, сапоги стоили пять рублей, а пуд хлеба—один рубль; теперь—сапоги десять рублей, а пуд хлеба—два рубля. Окажется, что сапожник за пару сапог получил бы по прежнему пять пудов хлеба, а земледелец за пять пудов хлеба по прежнему получил бы пару сапог. От такой дороговизны стало бы хуже только владельцам денежного капитала—ростовщикам, держателям денег в банке, владельцам процентных бумаг; за то легче стало бы всяким должникам.

Беда же от дороговизны происходит потому, что цены растут не равномерно. И главное—потому, что цены медленнее всего растут на один товар,—на рабочую силу. В то время, как все товары поднимаются в цене, уровень заработной платы остается прежний или изменяется очень мало, не поспевая за ростом цен предметов потребления. Это—явление обычное для обычной дороговизны. И устранить вредное влияние обычной дороговизны на положение пролетариата при капитализме можно только одним путем,—путем соответственного повышения заработной платы.

Рост цен, наблюдавшийся до 1914 года, сделал в последние годы резкий скачек, вызванный чрезвычайными обстоятельствами.

Искали причины повышения цен в расстройстве транспорта,—но ведь цены повысились не только в отдаленных местах сбыта, но и на местах производства. Указывали на увеличение косвенных налогов и повышение провозной платы,—но ведь повысились цены и на товары, не обложенные налогами и продаваемые по близости,—на молоко, овощи и на все прочее. Приписывали повышение цен падению кредитного рубля,—но бумажный рубль понизился в цене против золотого в полтора раза; а цены возросли втрое—вчетверо.

Конечно, и повышение налогов и платы за перевозку, и падение курса бумажного рубля, и перевозочные неурядицы—все это сыграло свою роль в повышении цен. Но не нужно забывать, что и самые эти причины имеют своей причиной чрезвычайные обстоятельства.

В самое последнее время газетное внимание обращено на новое явление,—на прямой недостаток на рынке предметов первой необходимости. На почве такого недостатка создалось у покупателей стремление запасаться продуктами надолго, а у продавцов—нежелание продавать. Началась административная борьба против спекулянтов, и заговорили о твердых ценах и реквизициях. Может ли это помочь делу?

О преследовании спекулянтов смешно и говорить, как о серьезной мере борьбы с дороговизной.

Остаются твердые цены и реквизиции.

О твердых ценах на хлебные товары много шумели. Справедливо указывали, что землевладельцы стремились как можно более повысить эти цены для увеличения своих барышей за счет казны и за счет вообще покупателей.

Но вот твердые цены установлены. Что же получилось? Там, где твердые цены ниже рыночных, товар исчез с рынка, а где они выше—там цены повысились до уровня твердых цен. Уже поднят вопрос об отмене обязательности твердых цен для частных сделок. В общем, следовательно, твердые цены постигла участь такс: если не вмешается, не окажет давление потребитель, то они не ограничат дороговизны, а будут или итти в ногу с рыночными ценами, или вносить резкие колебания в количестве товаров, поступающих на рынок.

Наш краткий очерк мер борьбы с дороговизной приводит к одному заключению: от этих мер рабочим нельзя ожидать ничего существенного. Потому и скучно читать о всех этих

мерах, что они ходят вокруг да около, не затрагивая основной причины.

В борьбе против обычной дороговизны у рабочих при капитализме есть только один прямой, верный, действительный путь,—путь повышения заработной платы.

Но в чрезвычайных обстоятельствах и этот путь недостаточен. Представьте себе, в самом деле, такое чрезвычайное обстоятельство, при котором безвозвратно расходуется, истребляется непроизводительно огромная масса товаров, а число людей, производящих товары, в той же мере уменьшается. Ясно, что должен обнаружиться такой недостаток товаров, такой быстрый рост цен, что никакое повышение заработной платы за ним не угонится.

У нас уже говорят о прямом недостатке мяса, масла, сахара, жиров, мыла, дров, городских жилищ, шерсти, бумаги, хлопчато-бумажных тканей, лошадей и многого другого.

5/I—17—23/XII—16. № 2.

ВЫБОРЫ В ПЕТРОГРАДСКОЕ СТРАХОВОЕ ПРИСУТСТВИЕ.

16 октября произведены выборы. Было три предвыборных собрания, на которых присутствовали представители многих больничных касс. На собрании 16 октября были представители от 51 кассы. Избраны 4 сторонника наказа, напечатанного в «Вопросах Страхования» и случайно, благодаря путанице в списках, один сторонник блока ликвидаторов с народниками. Прошли в члены присутствия: Кащевский и блокист Сурин, в заместители—Баташев, Жайворонок и Сесицкий.

На предвыборном собрании 15 октября была принята резолюция; в ней между прочим было предложено рабочей группе Петроградского страхового присутствия «посылать своих членов в провинцию для докладов и создания всероссийской страховой организации», «разработать вопрос об обложении касс в пользу группы» и «поднять вопрос о с'езде больничных касс».

Как известно, центральным для всей России представительством больничных касс является рабочая группа в Страховом совете, стоящая на последовательно-демократической (марк-

систской) точке зрения. Группа имеет свой журнал «Вопросы Страхования», издающийся уже четвертый год и пользующийся заслуженным сочувствием читателей.

Достоинством журнала «Вопросы Страхования» является помимо обилия материала и правильной общей точки зрения, еще и то, что журнал не замыкается в узкую сферу одних только страховых вопросов, а стремится откликаться на все главнейшие вопросы рабочей жизни. Например, в 1916 году в нем помещен ряд интересных статей по поводу кризиса переживаемого в последние два года международным рабочим движением.

Журнал «Вопросы Страхования» был основан при участии рабочих депутатов Гос. Думы Петровского, Муранова, Бадаева, Самойлова, и Шагова. Теперешний адрес редакции: Петроград, Загородный проспект, д. 17, кв. 77. Подписная цена 2 р. 50 к. в год.

5/I—17 г.—23/XII—16 г.—№ 2.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ БЛОК И РАБОЧИЙ ВОПРОС.

Шум, поднятый либералами в Думе и вне Думы вокруг вопроса о «министерстве общественного доверия», совсем заглушил собою вопрос об отношении либералов к рабочим. Думский блок высказал свой взгляд на задачи рабочей политики в резолюции по продовольственному вопросу. Но эта резолюция проскальзнула в газетах незаметно; а то, что сказано в ней о рабочих, не подвергалось обсуждению в либеральной печати ни до принятия резолюци, ни после. Очевидно, либералы хотели бы, чтоб об этом поменьше говорилось. Но такое молчание вовсе не в интересах рабочих. Напротив, самые широкие массы рабочих должны быть осведомлены о том, что готовят им либералы, что ждет рабочих при победе блока, на поддержку которого призывают гвоздевцы, ликвидаторы и всякие подобные «бывшие люди».

Отношение блока к рабочей политике высказано в 8-м и 10-м пунктах резолюции, принятой блоком. Вот эти пункты целиком:

Пункт 8-й. «Помимо мероприятий, направленных к обеспечению сельского хозяйства машинами, удобрением и семенами, должен быть произведен полный и точный учет рабочей силы империи и установлено более целесообразное и справедливое

распределение наличных трудовых сил,—в частности военнопленных, рабочих дружин, военных команд и т. п., а также более экономное и целесообразное использование рабочих сил в ближайшем к армии тылу».

Пункт 10-й. «Для лучшего и более своевременного учета, распределения и использования рабочей силы в интересах сельского хозяйства необходима организация особого органа управления при министерстве земледелия с участием в нем земских и иных общественных организаций; на местах этим делом должны ведать земские учреждения».

Прочитавши эти пункты, вы сразу поймете, конечно, почему газеты, проводящие политику Милюковых, Шингаревых, и Шидловских, предпочитают помалкивать о рабочей политике, проектируемой либеральным блоком. Посмотрите, на что рассчитывают либералы, входящие в блок. Они рассчитывают иметь у себя на полях не вольнонаемных рабочих, а рабочие дружины, военные команды, военнопленных. Это—в первую голову. Военные команды не на фронте, а в экономиях либералов; рабочие дружины не за фронтом, а на полях либералов и т. д.

Но либералы не договаривают своих мыслей до конца. Военные команды, рабочие дружины и военнопленные—это «частность». А что же не «частность»? Очевидно, все то, что еще не успело войти ни в дружины, ни в команды. Не частность—вольнонаемные рабочие или рабочие, бывшие до сих пор вольнонаемными. Очевидно, и на этих рабочих должны, по резолюции либералов, распространиться мероприятия, направленные к обеспечению помещиков машинами, семенами, рабочей силой и удобрением. Удобрение, рабочие силы и прочее подлежат не только учету, но и распределению. Кто же будет распределять рабочие силы и удобрение? Уж, конечно, не само удобрение будет выбирать себе поле, где лечь. И для распределения рабочей силы либералы проектируют особый орган при министерстве земледелия, с участием в нем земских и иных «общественных» организаций (об участии рабочих позабыли). Это в центре.

А на местах уже никакие «общественные» организации (даже не рабочие) к делу распределения рабочих не допускаются: здесь полновластными хозяевами должны быть земства и только земства. А из кого состоят земства?

Такова экономическая политика наших либералов, которые, борясь за власть, не прочь втянуть в дело и рабочих.

Как назвать после этого тех якобы представителей от якобы рабочих организаций, которые об'являют «неотложной задачей момента об'единение всех слоев и классов населения в крепко спаянную организацию» для помощи либералам в их стремлениях? В том числе и в стремлении осуществить под шумок 8-й и 10-й пункты резолюции либерального блока...

5/I—17 г.—23/XII—16 г., № 2.

ИНТЕРЕСНОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ.

Наше время богато всякими разоблачениями. Среди них заслуживают внимание и те факты, которые опубликованы 28 ноября министром внутренних дел Протопоповым.

Давно говорят о газете, предположенной Протопоповым минувшим летом. Писали, что на это дело крупнейшими банками и промышленными фирмами собрано пять миллионов рублей, и что на эти деньги польстились некоторые писатели, принадлежавшие раньше к либеральному и к демократическому лагерю, как Леонид Андреев, Тан и другие.

О писателях этих говорить много не стоит. Интереснее то, что рассказывает министр о направлении своей газеты и о ее хозяевах.

— «Я пригласил,—говорит Протопопов,—группу из писателей прогрессивного направления, заведомых сторонников доведения войны до единственно возможного для России конца,—победоносного».

Что же касается акций новой газеты, то они «размещены между различными торгово-промышленными предприятиями, громадное большинство которых работает целиком на оборону».

Заслуживает внимания это появление предприятий, работающих целиком на оборону в роли хозяев газеты, в которой литераторы являются сторонниками доведения войны «до конца».

Далее Протопопов перечисляет предприятия, которые внесли деньги на газету и стали ее хозяевами. В числе этих предприятий находятся: Коломенский машиностроительный завод, Сормовский, Русский судо-строительный, Гартман, Никополь-Мариупольский, Тульский патронный, Белорецкий, Русский паровозо-строительный, Николаевский, Франко-русский, Нобель,

Айваз, Кениг, Пастуховский, Шодуар, Петроградский металлический, Салолин, Саломас, Союз Сибирских Кооперативных Ассоциаций и многие другие крупнейшие капиталистические предприятия.

Среди этих предприятий заслуживает внимания Союз Сибирских Кооперативов.

На кооперативы народники возлагают надежды, как на путь к «социализации». Сибирь—страна крестьянского хозяйства; ее кооперативы—главным образом крестьянские. А участие Союза Сибирских Кооперативов в газете, которая должна обслуживать интересы крупнейших капиталистических предприятий, ярко свидетельствует о том, какова эта «социализация».

5/I—17—23/XII.—16 г., № 2.

БОРЬБА ЗА КРЕПОСТНОЕ ПРАВО.

В середине ноября, то-есть меньше двух месяцев назад, заговорили о введении «всеобщей рабочей повинности» и об «обязательной организации всего производства» в одном из европейских государств [1]). Русская либеральная газета тотчас окрестила это нововведение «возрождением крепостного права». Мы поспешили согласиться в этом случае с либералами.

— Да, сказали и мы, это именно возрождение крепостного права.

И мы могли бы добавить:

— Возрождение в самой худшей, самой жестокой, безличной форме,—в форме аракчеевских поселений. Закрепощение отдельным хозяевам все-таки предполагает заботу хозяина о своей собственности; а аракчеевское безличное закрепощение не ставит никаких границ, губя рабов чрезмерным трудом и голодом; отдельный хозяин в этом случае ничего не теряет, он даром получит новых рабов на место погибших.

Итак, либеральная печать, в лице «Русских Ведомостей», первая окрестила обязательную организацию производства крепостным правом. Но не прошло и месяца как с таким же кре-

---

[1]) В Германии. Само собой ясно, что дальше речь идет именно о закрепощении пролетариата другим классам, а не о самой организации пролетариата против буржуазии и помещиков, как было у нас после 1818 года (Прим. 1926 г.).

постническим проектом выступил либеральный блок в Гос. Думе (см. № 2 «Гол. Печ. Труда», статью «Либеральный блок и рабочий вопрос»). «Русским Ведомостям» пришлось повернуть фронт.

В номере от 19 ноября эта газета называла принудительную организацию производства возрождением крепостного права; другие либеральные газеты на все лады твердили, что это возрождение доказывает полное истощение страны, в которой прибегли к нему,—что эта страна, по выражению Родзянко, собирает «последние угасающие силы». А в номере от 30 декабря «Русские Ведомости» уже приветствуют идею П. Струве о «всесторонней и последовательной организации народного хозяйства».

То-есть, приветствуют собирание «угасающих сил», агитируют за «возрождение крепостного права». Как быстро идут наши либералы навстречу заветным мечтам тех, кого они так недавно называли зубрами! Как легко и властно овладевает умами либералов дух Аракчеева!

Обратимся, однако, к самому П. Струве, статья которого поставила на очередь воскрешение аракчеевских поселений.

Струве признал, что борьба против дороговизны становится делом безнадежным: «Во всех областях снабжения,—говорит он,—сейчас гораздо больше ставится вопрос об организации снабжения в натуре, чем об уровне цен. Поэтому задачи государственной политики продовольствия и, вообще, снабжения ставятся сейчас гораздо глубже и радикальнее, чем их и могла бы и должна бы ставить простая политика регулирования цен и борьба с дороговизной (это не значит, чтобы регулирование цен и борьба с дороговизной были не нужны). Речь идет не только о регулировании цен приказами власти, но еще больше об организации снабжения в условиях растущего натурального оскудения, в основе которого лежит растущий недостаток живой рабочей силы».

Вот, значит, в чем основа всему: в недостатке рабочей силы. Именно этот недостаток повел в московском государстве XVII века к отмене Юрьева дня, к полному закрепощению «живой рабочей силы». Но старинный способ закрепощения уже не удовлетворяет наших либералов, и они предпочитают воскресить аракчеевские поселения. Струве требует, чтобы «весь тыл был милитаризован», вся страна была закрепощена господам

Струве, Милюковым, Шингаревым и их прогрессивно-черносотенному блоку, который надеется скоро пробраться к власти.

Струве не одинок в своих аракчеевских планах; он лишь развил те мысли, которые уже были высказаны в резолюции думского блока по продовольственному вопросу. Не только блок, не только Струве и «Русские Ведомости», но и все те, кто с ними, все эти кадеты, октябристы и националисты, и все их прихвостни Алексинские, Потресовы, Масловы, Гвоздевы и и Черегородцевы, все, кто зовет нас поддерживать либералов в их борьбе за власть,—все они тем самым зовут к возрождению крепостного права и аракчеевщины, одни бессознательно другие сознательно.

Иные скажут: «но ведь вся эта аракчеевщина проектируется только временно». Неправда! Разве господствующие классы расстаются добровольно с завоеваниями, которые ими сделаны? Разве не в их власти затягивать до бесконечности то временное явление, под предлогом которого хотят возобновить аракчеевщину?

Нет, уж если либералам удастся теперь затянуть петлю крепостного права на шее «живой рабочей силы», то не они будут эту петлю распутывать. Придется распутывать самим рабочим. Так зачем же теперь совать свою голову в петлю, расставляемую либералами?

12/II—17 г.—30/I—17 г.—№ 3.

ЕЩЕ О ЗАКРЕПОЩЕНИИ.

Предыдущая статья была уже сдана в печать, когда мы прочли в № 2 «Русских Ведомостей», что «введение принудительного, закрепощенного труда пролетариата явилось большим успехом для всего класса лиц, нанимающих рабочих». Таким образом либеральная унтер-офицерша сама себя высекла: только что выступила она во имя либерализма с защитой крепостнического проекта либерального блока и Струве, и сама уже назвала принудительный труд закрепощением, большим успехом для нанимателей.

Тем не менее либеральные проповедники аракчеевщины нашли себе подголосков в лице гвоздевцев. «Продовольственная комиссия» гучковско-гвоздевской организации опубликовала в

своей газете взгляд гвоздевцев на аракчеевщину. Подобно «Русским Ведомостям», эта газета называет, когда речь идет не о России, организацию принудительного труда закрепощением, и вслед за тем проповедует это самое закрепощение, проповедует «всестороннее вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны».

Правда, гвоздевцы заявляют, что «предварительным условием рациональной борьбы с кризисом является коренная демократизация всего уклада современной жизни страны». Но они спешат оговориться, что «сознание необходимости осуществления этого предварительного условия не освобождает, однако, рабочую демократию от обязанности выставить и конкретный план борьбы с кризисом».

И вот нам предлагают готовый план—закрепощение.

Когда то гучковцы, поддерживая политику Столыпина, говорили: «сначала успокоение, потом реформы». А теперь гучково-гвоздевцы говорят: «аракчеевщина и реформы». Аракчеевщина во имя демократизма, закрепощение под флагом свободы! Ведь даже при полной демократизации государство останется классовым, и его «вмешательство» всегда останется классовым.

А что разумеют сами гучково-гвоздевцы под «коренной демократизацией», которая является «предварительным условием»? Они отвечают, что «предварительное условие» самодеятельности масс в продовольственном деле «ясно встало перед всем русским обществом, независимо от его политических взглядов: реформа власти есть сейчас лозунг даже некоторых землевладельческих кругов».

Мы отлично знаем, какая реформа встала «перед всем обществом». Это министерство, пользующееся дворянским и буржуазным доверием. На этом сошлись городской и земский с'езды, и думский блок, и Государственный Совет, и с'езд об'единенного дворянства. Вот условие «самодеятельности масс» ближайшая политическая задача Гучковых и Милюковых. И к поддержке их зовут рабочих новейшие проповедники аракчеевщины; они глухо оговариваются, что «интересы рабочих требуют наиболее полной демократизации». А пока проповедуют закрепощение.

Резолюция гучково-гвоздевцев, как сказано в их газете, выработана при участии члена Гос. Думы из фракции Чхеидзе,—М. И. Скобелева. До сих пор сторонники этой фракции уверяли,

что она не имеет ничего общего с гучково-гвоздевцами. Как же попал в их компанию Скобелев? Об его участии в совещании, проповедующем аракчеевщину, сообщено в номере гвоздевской газеты от 22 декабря. Почему Скобелев до сих пор не опроверг этого сообщения, если оно не верно? Почему молчат другие члены фракции Чхеидзе? Или и они записались в гвоздевцы и вступили на путь проповеди аракчеевских поселений?

В таком случае — не они первые, не они последние.

Такое уж время!

От редакции. Редакция журнала «Голос Печатного Труда» просит читателей высказать свое мнение по поводу проектов либерального блока и группы военно-промышленного комитета о принудительной организации труда и о вмешательстве государственной власти во всю хозяйственную жизнь страны. Письма и резолюции будут по возможности напечатаны.

12/II—30/I—17 г. № 3.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ О РАБОЧИХ.

С тех пор как вождь либералов Милюков публично целовался с вождем черносотенцев Пуришкевичем, стало трудно и не всегда возможно различить, что чернее—либерал или черносотенец. Все перепутались.

До сих пор считалось, что Гос. Дума, хотя и является представительницей помещиков и буржуазии, все же левее, чем Гос. Совет, где заседают преимущественно самые верхи дворянства и чиновничества. Но вот доходит дело до обеспечения хозяйства «рабочими силами и удобрением»,—и тут Дума,—и даже не вся Дума, а именно ее «прогрессивный блок», — обнаружила свои крепостнические стремления.

Мы уже писали в № 2 нашего журнала, как либеральные помещики прогрессивного блока предполагают заняться «распределением» на своих полях «рабочей силы» на основаниях, отмененных еще 19 февраля 1861 года.

Теперь опубликована резолюция Гос. Совета по продовольственному вопросу. Гос. Совет проектирует не посылку на свои поля «рабочих дружин» и солдат, а как-никак все же несколько более полноправных рабочих, не подчиненных казарменному порядку.

Гос. Совет предлагает:

«4) Освобождение от призыва в войска необходимого для земледелия количества сельско-хозяйственных и квалифицированных рабочих».

Итак, Гос. Совет проектирует освобождение от призыва, а прогрессивный думский блок, наоборот, усиление призыва, увеличение числа призываемых для работы на помещичьих полях.

Кроме того, проект Гос. Совета открывает возможность освобождения от призыва не только наемных рабочих для помещичьего хозяйства, но и самостоятельных мелких хозяев, «необходимых для земледелия».

А аппетит либералов из думского блока разыгрывается в ту сторону, чтобы этих мелких хозяев мобилизовать или завербовать в рабочие дружины и отдать в полное распоряжение помещичьему земству.

Аппетит приходит во время еды. Либералы еще не у власти, но скоро надеются завоевать власть и уже пробалтываются о том, как они хотели бы распорядиться «рабочей силой» наемных рабочих.

Что скажет по поводу этих двух резолюций, например, Керенский, пытающийся об'единить Думу и «страну»?.

12/II—30/I—17 г. № 3.

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.

В последнем заседании Гос. Думы 16 декабря депутатами прогрессивного блока лучше прежнего выяснена политика этого блока и, следовательно, теперешней Думы в целом.

Как известно, в начале войны либералы призывали к полному единению с правыми и с правительством. В знак этого единения Милюков публично поцеловался с Пуришкевичем.

Летом 1915 года, когда германо-австрийские войска заняли русскую часть Польши, либералы открыли поход против правительства. Началась борьба за власть между об'единенным дворянством и либеральной буржуазией.

Остановились германцы в своем наступлении,—притихла и борьба за власть. Но осенью 1916 года германцам удалось занять половину Румынии, и борьба за власть возгорелась с но-

вой силой. Лозунгом борьбы думских либералов все время остается создание министерства, «пользующегося общественным доверием».

Прислушиваясь к резким речам либеральных депутатов, многие полагают, что победа их принесет обновление жизни не только буржуазии, но и более широким слоям населения. Но уже программа блока должна бы охладить эти надежды. А речи депутатов в Гос. Думе 16 декабря показывают истинные мотивы либеральной борьбы за власть. Эти мотивы—желание сохранить в главном старые порядки.

На этот счет председатель бюро блока Шидловский выразился очень определенно. «Очень часто,—сказал он,—приходится вести линию антиправительственной борьбы во имя сохранения государственной идеи».

Савенко пояснил мысль Шидловского: «Правительство очень боится революции; но оно забывает, что основной, главнейшей революционизирующей силой является оно само».

Милюков же развил более подробно то, что говорили другие депутаты блока. Милюков сказал: «..... Разочарование в успехе Думы, в победе на той почве, на которую она вступила в своей борьбе, начинает уже приносить злые плоды. По мере того как теряется вера в силу народного представительства, на первый план выступают другие силы. И мы переживаем страшные минуты. На наших глазах общественная борьба выступила из борьбы строгой законности, и возвращаются явочные формы 1905 года... Русское политическое движение приобрело то единство фронта, которое оно имело до 17 октября 1905 г... Но дабы гром не разразился в такой форме, какой мы не желаем, наша задача ясна: мы должны общими силами страны предупредить этот удар».

Итак, политика думского блока сводится к стремлению предупредить «удар», не допустить того, что было в 1905 году, не допустить, чтобы «гром разразился». Думский блок находит, что нынешнее правительство является недостаточно исправным громоотводом, и поэтому хочет заменить это правительство своим, более исправным, которое лучше сумеет «предупредить удар».

При этом Милюков находит возможным утверждать, что у нас политическое движение приобрело единство фронта, какое было до 17 октября 1905 года. Тут разом две неправды: и

в 1905 году «единства фронта» не было, и теперь его нет. Иначе зачем было бы либералам так хлопотать об исправлении громоотвода?

Правда, по внешности сейчас фронт один. Но эта видимость единства достигается теми приемами, против которых либералы протестуют на словах и которыми во всю пользуются на деле: видимость единства достигается цензурными строгостями и другими полицейскими мерами. Либералы используют свое выгодное положение, как бы ни было некрасиво это использование. Ведь используют же они и факт провокации для того, чтобы об'являть агентами или жертвами провокации всех, кто не пляшет под либеральную дудку. Это не ново.

Но что удивительно, так это выступление в том же заседании Думы депутата Керенского. Он повторил мысль Милюкова о единстве фронта, заявляя: «В момент исторических испытаний Дума будет с народом!» Если слова Керенского правильно переданы в «Русск. Вед.», то он выступил в этом случае в неловкой роли адвоката, ведущего дело одновременно и со стороны истца и со стороны ответчика: он говорил и от лица Думы, и от лица народа,—кстати сказать, не получивши на это доверенности ни от той, ни от другой стороны. Дума это тотчас и сказала, оборвавши его речь (лишив слова). А народ... Народ, правда, безмолствовал. Но откуда Керенский взял, что народ будет заодно с буржуазно-помещичьей либеральной Думой, избранной при содействии администрации и на основании закона 3 июня 1907 года? По отчету других газет Керенский не ручается за единство, а только хлопочет о нем. Разница не велика.

Керенский тем меньше имел право отождествлять желания народа с желанием Думы или хлопотать о единстве, что кроме внутренних вопросов их разделяют теперь и острые вопросы внешней политики. По внешней политике, как известно, либералам не удалось целиком увлечь народные массы на путь авантюризма, несмотря на то, что в этом деле либеральной печати был предоставлен полный простор безудержного лганья;—несмотря даже на то, что в этом лганье надрывали либералам многие из «левых»; несмотря, наконец, на то, что к этому авантюризму и сам Керенский руку приложил...

И не в этой ли ложной общей позиции Керенского источник того, что он забыл о законе 3 июня и вслед за либералами

готов использовать провокацию и готов подпевать Милюкову на мотивы о «единстве фронта» и о том, что нынешняя Дума является представительством народным, которое «в момент испытаний будет с народом»?

12/II, 30/I—17 г. № 3.

ХОРОШАЯ КОМПАНИЯ.

Известный писатель Владимир Короленко очень кстати напомнил читателям недалекое прошлое. Он напомнил о том, что в 1907 году в Гос. Думе депутат Шульгин требовал смертной казни для Короленко.

А теперь Шульгин—видный депутат прогрессивного блока. Переменился ли он? Раскаивается ли в том, что когда-то требовал казни умеренно демократического, легального писателя, и в лице Короленко призывал казнь на всех демократов даже умеренного оттенка, в роде Короленко?

Ничуть не бывало! И не в одном Шульгине, не в одном Короленке дело. Короленко остался сам собою; и Шульгин остался Шульгиным. Ведь не один Шульгин, но Гучков и Родзянко, Шидловский, Бобринский,—все эти октябристы и националисты вдохновляли в то время министерство Столыпина, залившее Россию кровью многих тысяч жертв полевых судов и карательных экспедиций.

В те времена кадеты словесно возмущались казнями, а на деле подкрепляли позицию столыпинского министерства тем, что презрительно говорили о «красной тряпке», той самой «тряпке», которая открыла либералам дорогу к политиканству в Гос. Думе.

Теперь Шульгины заключили братский союз с Милюковыми, и вся эта теплая компания усиленно рекламирует Пуришкевича.

В то же время эта компания ведет, вместе с Гос. Советом и со с'ездом об'единенного дворянства, борьбу против правительства за «министерство, пользующееся доверием страны». Не полевели ли и большинство дворянства, и большинство Гос. Совета? А сейчас к этой компании приблизился и бывший министр Макаров, защитник виновников ленского расстрела, сказавший: «так было—так будет». И в этой же компании—«ра-

бочие» группы военно-промышленных комитетов, агитирующие за поддержку и подталкивание Шульгиных, Милюковых и Гучковых.

Умилительная картина...

12/II, 30/I—17 г. № 3.

КТО ЛУЧШЕ?

В газетах сообщают, что управляющий министерством земледелия Риттих обратился к военному министру с просьбой отпустить в 1917 году триста тысяч рабочих-сартов на сельскохозяйственные работы. Эти рабочие были призваны на основании повеления от 25 июня 1916 года для военных надобностей.

Военный министр согласился отпустить помещикам рабочих, но с тем условием, чтобы их во всякое время по требованию военной власти можно было взять назад. Риттих не согласился на это, потому что сельским хозяевам нужна уверенность, что рабочие будут прикреплены к их имениям на весь круг сельско-хозяйственных работ. Но Риттих согласился уменьшить число просимых рабочих с трехсот тысяч до ста пятидесяти тысяч, лишь бы только эти рабочие были крепко привязаны к поместьям, без права военного начальства брать их из поместий для военных надобностей.

Вопрос будет еще обсуждаться министрами.

Наши либералы требуют министерства, «облеченного общественным доверием». Они не считают Риттиха в числе министров, пользующихся «доверием». Риттих идет навстречу либеральному блоку. И если либералы могут быть чем недовольны в этом отношении, так разве только тем, что Риттих просит недостаточно рабочих; да еще пожалуй тем, что Риттих пожелает вероятно оставить распределение рабочих в руках чиновников, а либералы требуют, чтобы вся власть над этими рабочими была целиком предоставлена земствам, то-есть самим помещикам.

Рабочим мало будет удовольствия от того, что их будут распределять чиновники; но если рабочих целиком отдать во власть помещикам, то и в этом радости мало. Но кто желает, чтобы помещики были полновластными хозяевами над рабочими, тот пусть поддерживает либералов и их думский блок в спорах либералов с нынешними министрами.

12/II—30/I—17 г. № 3.

ИЗ ГАЗЕТ и ЖУРНАЛОВ:

„НАША ГАЗЕТА“, Саратов, 1915 г.

„ПРИКУБАНСКИЕ СТЕПИ“, Екатеринодар, начало 1917 г.

„ЛЕТОПИСЬ“, Петроград.

ПЕРЕДОВИЦА.

* * * [1])

Во внутреней жизни России созыв Гос. Думы является крупным событием. За созыв давно шла агитация; но успех этой агитации определился не ее внутренней силой, а ходом событий на западной границе в России. Дума созвана. Депутаты сказали свое слово. Менее всего справедливо мнение, будто наша Дума, при теперешнем избирательном законе и при отсутствии свободной избирательной борьбы, может считаться Думой народной. И голос Думы вовсе не является голосом народа, как хотели бы уверить нас либеральные газеты. Дума осталась прежней помещичьей и буржуазной Думой. Разница лишь в том, что из нее целиком удалены депутаты от рабочей курии. И, тем не менее, речи депутатов и решения самой Думы представляют большой интерес. Депутаты, можно сказать, пред'явили длинный счет тем, кто является в буржуазном обществе политическим исполнительным органом имущих классов. Речи депутатов обнаружили, что между имущими классами и их «исполнительным органом» в России возник острый разлад под влиянием хода военных действий. Исходя из интересов имущих классов,—интересов широких слоев буржуазии,—отдельные депутаты обвиняют «исполнительный орган» в создавшемся тяжелом положении. Но если от речей отдельных депутатов вы обратитесь и к решениям Думы в целом, увидите, что для «исполнительного органа» чорт не так страшен, как он мог казаться по речам отдельных ораторов. Оказывается, что иму-

[1]) Ст. шла в № 1 «Наша Газета» передовицей. Всего вышло 9 №№ в период от 21—8/VIII—15 г.—20/X—2/XI—15 г.

щие классы, представленные в Думе, исходят из той же основной точки зрения, что и «исполнительный орган». Те и другие проникнуты одинаковыми настроениями, преследуют одинаковые цели. Если и подвергалась критике «система», то дальше слов она не пошла. Громко возвещенный поход свелся в Думе к протесту против отдельных лиц, и все существо думского «движения» исчерпывается, в конце-концев, учреждением следственной комиссии о действиях отдельных лиц. Но как бы ничтожны ни были цели, поставленные себе Думой, как бы ни были жалки практические результаты сессии, все же эта сессия имеет важное значение. Речи депутатов не только обнаружили разлад между имущими классами и их «исполнительным органом», они отдали сверх того в руки населения массу фактов, до тех пор тщательно скрывавшихся. Широкие слои населения продумают эти факты и сделают выводы, вряд ли совпадающие с выводами Пуришкевичей, Милюковых, Шингаревых и Бобринских. И если трещину между Милюковыми и «исполнительным органом» оказалось легко замазать учреждением двух-трех комиссий, то страна в целом на таком замазывании не успокоится.

21—8/VIII, № 1.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.

После оставления Варшавы русскими войсками много разговоров вызвало известие, будто германцы через Копенгаген передали в Петроград условия предлагаемого мира [1])

21—8/VIII, № 1.

ИЗ-ЗА ЧЕГО ШУМ.

С немалым шумом провозглашена в России «мобилизация промышленности»; на военно-промышленные комитеты возлагалась надежда чуть ли не спасения России: организация комитетов состоялась по всему государству с быстротою телеграфных сношений. И вдруг мы встречаем известие, которое должно окатить холодной водой всех добросовестных поклонников военно-промышленных комитетов. В № 210 газеты «Речь»

---

[1]) Статья зарезана цензурой—М. О.

сообщается, что известный Крестовников «разослал многим учреждениям, общественным и политическим деятелям—записку по поводу мобилизации промышленности. В этой записке Крестовников повторяет отчасти мысль, высказанную П. П. Рябушинским и А. И. Гучковым. Крестовников приходит к убеждению, что нельзя надеяться, чтобы русская промышленность при нынешних условиях могла оправдать ожидания». Крестовников, Рябушинский, Гучков—кому же еще лучше знать, чего возможно ожидать от мобилизации промышленности. Правда они предлагают не надеяться «при нынешних условиях». Какие это нынешние условия? И где основания думать, что эти «нынешние условия» не будут царить и завтра? Итак, «мобилизация промышленности» не может «оправдать ожиданий». Что остается от всего шума, так дружно поднятого нашими промышленниками? Повидимому, кое-что действительно остается. Именно, во-первых, остается участие промышленников в распределении казенных заказов на военные надобности. Хозяева промышленных предприятий, об'единившись в комитеты, сами до известной степени будут делать себе заказы, сами назначать себе цены. Для промышленников это несомненный выигрыш. Во-вторых, в военно-промышленных комитетах уже поднят вопрос о приостановке действия законов, ограждающих рабочего. Законы о сверхурочных работах, о длине рабочего дня, о работе женщин и малолетних уже об'явлены стеснительными для «мобилизованной промышленности». В-третьих, с «мобилизацией промышленности» связан вопрос о праве рабочих на экономические забастовки. В-четвертых, под предлогом недостатка рабочих, «мобилизованная промышленность» стремится заменить вольнонаемных рабочих военно-пленными, стремится вытеснить труд российских рабочих трудом китайцев и корейцев. Уже и сказанного выше достаточно, чтобы видеть, что военно-промышленные комитеты и «мобилизация промышленности»—дело серьезное, хотя в смысле чисто военном и «нельзя надеяться», чтобы русская мобилизованая промышленность могла «оправдать ожидания».

21—8/VIII, № 1.

В ТОТ САМЫЙ МОМЕНТ.

В этом номере нашей газеты читатель найдет отчет о заседании Гос. Думы, когда обсуждался вопрос о костромских событиях. Дума единогласно приняла запрос социал-демократов. Это редкий случай и его следует отметить. Чем же вызвано единогласие Думы?

Кадетский депутат Герасимов сказал, что костромские события явились показателем общей политики правительства. И это верно. Ведь еще по поводу ленских событий министр Макаров об'явил, что «так было—так будет». Почему же Дума на этот раз не поощрила обычной политики правительства по отношению к рабочим. Ответ будет ясен, если мы обратимся к речам депутатов. Тот же Герасимов подчеркнул, что выстрелы в Костроме раздались в то самое время, когда шли сражения на Висле. Трудовик Керенский напирал на то, что выстрелы в Костроме понижают воинственное настроение масс. К сожалению, не удержался от этого мотива и с.-д. Хаустов. Он указал, что в Костроме «работают жены и дети запасных» и что расстрел происходит в тот самый момент, «когда проливается потоками кровь рабочих». Как будто, если бы не война, то и Костромские события не имели бы для пролетариата такого же значения, как теперь.

Из изложенного ясно, почему теперь даже черная Гос. Дума единогласно приняла запрос.

31—18/VIII, № 2.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ МОМЕНТ.

Россия переживает момент величайшей важности. Русская буржуазия, кровно заинтересованная в победе,.... (вычеркнуто цензурой). Государственная Дума вначале была до некоторой степени удовлетворена устранением некоторых министров и «реформами» вроде создания нескольких новых совещаний при министрах. Но перемена министров нисколько не изменила общей внутренней политики, а внешние дела развивались не в желательном направлении (вычеркнуто цензурой)... В Москве происходят совещания, учреждается особый комитет, буржуазные организации начинают проводить резолюцию, требующую «создания правительства, сильного доверием общества». Госуд.

Дума под давлением этого движения тоже сдвигается несколько с мертвой точки: там налаживается союз умеренных партий, начиная справа от «прегрессивных националистов» и кончая кадетами. Крайние правые, с одной стороны, а трудовики и социал-демократы—с другой, не участвуют в этом блоке. Трудовик Керенский протестует против того, что образовавшееся большинство игнорирует представителей демократов, но на его протест не обращается никакого внимания. Без демократии—как крестьянской, так и пролетарской—и против нее организуется для власти русская буржуазия; без нее хочет она решать важнейшие вопросы русской жизни в серьезный момент истории. Необходима спешная организация демократии вокруг требований рабочего класса (вычеркнуто цензурой)... Не в хвосте событий должна она тащиться, а попытаться встать во главе их. Против черного блока, против право-кадетского блока пролетариат должен об'единить широкие слои городской и деревенской бедноты и властно сказать и свое слово, добиваясь истинного представительства интересов всего народа.

8/IX—26/VIII, № 3.

В СРЕДЕ МОСКОВСКОЙ БУРЖУАЗИИ.

На-днях в «Русских Ведомостях» появилась интересная статья «Настроения в московских общественных кругах» (№ 190). Автор сообщает, что в последние дни в Москве был ряд внепартийных совещаний. Совещания эти пришли к заключению, что должно быть образовано министерство, «пользующееся доверием страны». Добиваясь такого министерства, предлагается итти вместе с Гос. Думой. Считается достаточным наметить лишь в председатели совета министров лицо, пользующееся «доверием страны» и предоставить этому лицу потом составить список остальных министров. Чтобы добиться смены всех министров и замены их новыми, учрежден комитет из делегатов организаций, участвовавших в совещаниях.

В связи с этой статьей, приобретают особый интерес некоторые другие сообщения московских газет. Именно, сообщалось, что под председательством известного фабриканта Коновалова 16 августа состоялось совещание об организации власти.

Совещание высказалось за организацию «кабинета национальной обороны» из общественных деятелей, за единение с Гос. Думой, и приняло «еще ряд важных решений, рассчитанных на ближайшее время». Очевидно, на этом именно или на другом, подобном же совещании решено и образование комитета, задача которого—добиваться смены министров, вести борьбу за власть. Какие же организации участвуют в этих совещаниях и образуют комитет борьбы за власть? Об этом можно догадаться по составу совещания под председательством Коновалова. Тут участвовали: 1) все члены Гос. Думы от Москвы и некоторые от Московской губ. 2) представители всероссийского городского и земского союзов, 3) делегат воен. пром. комитета, 4) делегат биржевого комитета, 5) представит. купеческого о-ва, 6) представ. московского губ. земства, 7) предст. московской городской думы, 8) представители «ближайших промышленных центров» и 9) представители «науки» и некоторые другие. Мы видим, что состав московских «совещаний» чисто буржуазный; следовательно, и комитет борьбы за власть—является боевым политическим комитетом буржуазии, об'единившейся для борьбы за переход власти в руки министров, пользующихся доверием буржуазии. Вслед за этим идет новое известие—о чрезвычайном собрании московской городской думы, представитель которой участвовал и в совещаниях под председат. Коновалова. Московская дума единогласно приняла резолюцию, в которой, между прочим, сказано: 1) что «Москва убеждена, что Гос. Дума сумеет выразить истинное настроение страны", и 2) что требуется «создание правительства, сильного доверием общества и единодушного; во главе его должно быть поставлено лицо, которому верит страна». Мы видим, что и «ряд совещаний», учредивших комитет борьбы за власть, и «совещание под председ. Коновалова» и московская городская дума—все в целом повторяют друг друга и бьют в одну точку. Борьба за власть обостряется и разгорается. Возможно, что мы находимся накануне чрезвычайно интересных событий. Об отношении нашем к ним в другой раз.

8/IX—26/VIII, № 3.

РОСПУСК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

Заседания Гос. Думы прерваны до ноября—таков пока что непосредственный результат борьбы за власть, предпринятой либеральной буржуазией. Как известно, по сигналу московской думы, всевозможные буржуазные организации стали выносить резолюции, требующие отставки нынешних министров и замены их министрами, пользующимися «общественным доверием». В то же время в Гос. Думе буржуазные депутаты разных партий образовали блок (союз), явившийся как бы центральным органом борьбы за власть. И вот вместо удаления министров, не пользующихся «общественнным доверием», удалена сама Гос. Дума с ее блоком. Таков первый этап разгорающейся борьбы за власть. Что будет дальше—предсказать трудно. Пока что можно лишь отметить отдельные черты в поведении буржуазных партий. Во-первых, кадеты и прогрессисты решили было не участвовать в совещаниях при военном и других министрах;— они как бы хотели об'явить бойкот правительству. В России имеется уже опыт политического бойкота. В 1905 г. весной рабочие бойкотировали комиссию Шидловского, а осенью того же года вся демократия бойкотировала так-наз. «булыгинскую» Гос. Думу. Оба эти случая бойкота были удачны, благодаря тому, что были предприняты в момент быстрого нарастания движения и отличались единодушием и последовательностью. Что же касается бойкота совещаний при министрах, предложенного кадетами и прогрессистами, то он и не единодушен, и не последователен. Не единодушен в том смысле, что другие партии блока отказались примкнуть к бойкоту. А последовательность потребовала бы от кадетов и прогрессистов бойкотировать не только совещания при министрах, но и деятельность по всей линии: деятельность городского и земского союзов, военно-технических комитетов и т. д. На это буржуазные бойкотисты, конечно, не пошли бы и таким образом бойкот совещаний при министрах остался лишь мимолетной демонстрацией протеста, а не актом длительной борьбы. Второй характерной чертой современного момента является поведение буржуазной печати. На этом поведении тоже лежит черта непоследовательности. С одной стороны, почти исторический, волнующий протест против роспуска Думы, а с другой—как бы стремление полить маслом готовые разбушеваться волны обществен-

ного недовольства. В самом деле, разве не маслом на водную поверхность являются эти сообщения буржуазных газет о том, будто все министры, кроме Горемыкина, были против роспуска Думы, будто все они хотели даже подать в отставку,—устроить забастовку протеста. Разве не таким маслом является сообщение, будто реформы, предложенные буржуазным блоком, будут осуществлены правительством в порядке 87 ст. в перерыве между думскими заседаниями? Не подумайте, что либеральная печать хочет подобными сообщениями предупредить лишь так наз. «преждевременные выступления». Против таких выступлений имеются совсем другие средства,—призыв к организации и т. п. Нет, из поведения буржуазной печати видно лишь, что либеральная буржуазия боится собственной тени и спешит убаюкать читателя. Наконец, как третью черту момента, можно отметить решение депутатов оппозиционных фракций в Гос. Думе не разъезжаться из Петрограда во все время перерыва заседаний Гос. Думы. Что это—безобидная демонстрация или решение действовать организованно, как единое целое, во все время перерыва сессии? В последнем случае его следовало и сказать прямо. Ведь и оставаясь в столице можно прожить это время по-обывательски; а с другой стороны, необходимость действовать организованно могла бы подсказать и решение разослать депутатов по провинции с определенными поручениями. Кажется, мы перечислили все наиболее выдающиеся черты поведения буржуазной оппозиции в острый момент роспуска Гос. Думы. Бледны эти черты. И не могут они быть слишком яркими при боязни собственной тени.

24—11/IX, № 5.

РАБОЧИЕ и ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМИТЕТЫ [1]).

Вопрос об условиях участия рабочих в военно-промышленных комитетах ставится на очередь.

Как известно, эти комитеты созданы капиталистами для улучшения снаряжения армии снарядами и прочими вещами. Для поднятия авторитета комитетов капиталисты вообще решили пригласить в них и представителей местных рабочих.

---

[1]) Пропуски сделаны цензурой.

Что касается, в частности, представительства рабочих в центральном военно-промышленном комитете, то сюда решено ввести выборных не от всей рабочей России, а только от рабочих Петрограда.

Известный костромской фабрикант Коновалов, вместе с А. Гучковым, выхлопотали разрешение на устройство в Петрограде рабочих собраний, при чем указывали «на чрезвычайную важность полной свободы выборов».

. . . . . .

Что касается провинциальных городов, то здесь мы имеем лишь краткие сведения из Оренбурга, Николаева, Самары и Харькова.

. . . . . .

В Николаеве выборы были произведены, но затем рабочие одного завода отозвали своего делегата на том основании, что рабочие представители должны входить в свой, в рабочий комитет.

. . . . . .

В Харькове первое собрание привлекло лишь несколько десятков рабочих и прошло вяло. Но 29 августа, на второе собрание, явилось до 1500 человек. Вопрос был расширен, говорилось открыто об основных условиях нашей политической жизни.

. . . . . .

Как видно из этих немногих сообщений, отношение рабочих к участию в военно-промышленных комитетах далеко не единообразно. Очевидно, этот вопрос потребует еще многочисленных обсуждений и в других городах, ...

. . . . . .

24—11/IX, № 5.

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ.

Как известно среди русской интеллигенции, когда-то примыкавшей к пролетариату, обнаружилось за последний год течение, резко разошедшееся с линией, например, социал-демократической фракции Гос. Думы. В самой фракции к этому течению примкнул бывший ее член Маньков; из видных литераторов взгляда Манькова придерживаются: Плеханов, Алексинский, а также редактор журнала «Современный Мир»—Н. Иорданский. Чтобы понять

новую точку зрения,—точку зрения Манькова, Плеханова, Алексинского и других, лучше всего ознакомиться с статьями Н. Иорданского. В № 5 «Современного Мира» он дает свое новое понимание демократизма и народа. Относительно демократизма Н. Иорданский говорит: «Всеобщая воинская повинность даже в сословном государстве представляет в высшей степени демократическое установление... Она придает современной армии демократический характер». И как пример демократизации Иорданский рассказывает такой случай: «В ополченской дружине, где было много помещиков и состоятельных обывателей, обязанности ротного командира временно исполнял прапорщик, в мирное время занимавший должность урядника». Что же касается нового понимания народа, то и оно сильно отличалось от прежнего. Народ, в новом понимании, прежде всего среднего класса: артист Императорского театра, режиссер оперы, чиновник особых поручений при градоначальнике, старшина купеческого собрания, домовладелец, кандидат в вице-губернаторы, землемер, торговец, учительница, зубной врач, адвокат, инженер, земский деятель. Все это—граждане «первого сорта», проникнутые широкой и гуманной идеологией; они—«новые граждане великой России»; все они настроены в том же духе, что и Иорданский, Плеханов, Алексинский. Иорданский в восторге от них, солидарен с ними и является выразителем их интересов. Далее Н. Иорданский переходит к описанию солдатской массы: «Очень и очень многие запасные, бывшие двадцать лет тому назад молодыми деревенскими парнями или фабричными рабочими, в настоящее время возвратились в армию зрелыми представителями мелкой и средней городской, сельской буржуазии, т.-е. людьми с гораздо более высоким экономическим и культурным уровнем, чем рядовое крестьянство. Среди солдат много мелких торговцев, владельцев различных промышленных заведений, мастеров, домовладельцев, служащих в общественных и частных предприятиях». На вопрос, согласуется ли настроение солдатской массы с настроением Плеханова, Алексинского и Иорданского, Иорданский отвечает: «я затрудняюсь передать настроение солдатской массы, но и оно, в общем и целом, очень приближается к настроениям офицерского состава». Н. Иорданский надеется на это, потому что, «во-первых, среди нижних чинов очень много представителей того же среднего класса, которые являются проводниками распространенных в обществе взглядов на войну и солдатские низы; во-вторых, даже принимая

во внимание некоторую безучастность крестьянства к политическим вопросам, необходимо признать, что между крестьянством и средним классом существует несомненное идейное взаимодействие». То-есть г. Иорданский надеется на влияние торговцев, промышленников, мастеров и домовладельцев, интересам которых он теперь и служит. Что же касается пролетариата, то он теперь уже для Н. Иорданского вне «народа»: в статье, озаглавленной «Народ на войне», рабочим вовсе не нашлось места. Мы изложили словами самого Иорданского его новые взгляды на демократизм и на народ. Чтобы хорошенько понять новую позицию Плехановых и Алексинских, необходимо внимательно прочитать статью Иорданского—она хороша своей откровенностью.

1/X—18/IX, № 6.

БЕЗДОМНЫЕ [1]).

Вопрос о бездомных, выселенцах и беженцах, стоит в настоящее время крайне остро.

Даже у нас в Саратове, так далеко от войны, чувствуется это. Возникают вопросы как содержать такую массу, как расселить, чем кормить, как лечить? Квартиры и продовольствие дорожают, заразные заболевания усиливаются, денег на содержание беженцев нет... что-же делается там, вблизи от театра войны?

Там происходит нечто невероятное, неслыханное.

. . . . . .

Они запрудили все дороги, привели их в невозможное состояние и крайне затруднили движение по ним.

По дорогам уничтожают все продовольствие, как саранча. Претерпевают неописуемые лишения, голодают, страдают от холода, от дождей. Родители теряют своих детей, жены—мужей, мужья—жен, ...

. . . . . .

Так рассказывают очевидцы, а в «Русском Слове» (№ 198) опубликована такая телеграмма доктора Богуцкого: «В районе Слонима и Барановичей огромное скопление беженцев. На врачебно-питательных пунктах продовольствуется ежедневно 350 тыс. человек. Снабжение пунктов крайне затруднительно. Размеры

[1]) Пропуски сделаны цензурой.

материальной нужды и нравственных страданий ужасны и не поддаются описанию».

. . . . . .

Вот что говорил депутат Фридман в Государственной Думе: «к евреям был применен ряд совершенно небывалых, неслыханных ни по жестокостям, ни по мотивам, в истории человечества мер... Тот, кто видел как производились эти выселения не забудет их на всю жизнь. Выселение производилось в течение суток, иногда двух. Выселялись женщины, дети, старцы, больные. Извлекали сумасшедших из сумасшедших домов и заставляли брать их с собой»...

Не все беженцы идут пешком, некоторые счастливцы попадают на поезда, но и там лишения их не кончаются. Вот как описываются в «Русск. Ведом.» их скитания по железным дорогам.

«Посадка беженцев в поезда производится беспорядочно, и не редко одна часть семьи уезжает, другая остается. Часто теряются дети. На станциях поезда отправляются без предупреждения звонком, вследствие чего у некоторых беженцев вещи увозятся далее, а сами они остаются на станции. Много в поездах больных остро-желудочными заболеваниями. Приходится нередко вытаскивать мертвых и хоронить их в местах остановок. На станциях нет приютов для больных, и им приходится оставаться под открытым небом».

. . . . . .

Так едут и бредут несколько миллионов, неизвестно куда, прибывают в один город, вскоре их гонят дальше...

Такие нечеловеческие страдания переживают они и ради чего?

Оказывается, что это выселение не только не полезно для тех целей, ради которых оно предпринималось, но даже вредно... Это сознала теперь совершенно ясно даже наша администрация, после того, правда, как уже опустошены губернии: Люблинская, Холмская, Ломжинская и части других. Минский губернатор публикует:

«Ни в каком случае население принудительно выселяться не будет, и оно должно по возможности оставаться на местах, чтобы сохранять свое хозяйство».

Но теперь эти обращения уже мало действуют: массы бегущих выселенцев возбуждают панику среди населения, увлекают его за собой. Толпы беженцев растут...

1/X—18/IX, № 6.

ПРОШЛОЕ и НАСТОЯЩЕЕ.

В газетах много шума наделала попытка восстановить предварительную цензуру. Проект введения цензуры провалился в совете министров. Отрицательное отношение к нему было довольно единодушно.

В связи с этим мы хотели бы помянуть первого в России горячего борца против цензуры А. Н. Радищева.

В 1790 году, 125 лет тому назад, была напечатана его книга «Путешествие из Петербурга в Москву», проникнутая горячим протестом против крепостного права и политического бесправия.

В том же году Радищева за эту книгу приговорили к смертной казни, с заменой ссылкой в Сибирь на 10 лет. Книга оставалась под запретом 115 лет, и даже имя Радищева запрещено было называть в печати.

Саратовцам он близок, как уроженец Саратовской губернии; в его память основан Радищевский Музей в Саратове.

В «Путешествии» А. Н. Радищева есть глава, посвященная специально вопросу о свободе печати.

«Обширную и беспредельную пользу вольности печатания» А. Н. Радищев видел в следующем:

«Если свободно всякому мыслить и мысли свои об'являть всем беспрекословно, то естественно, то все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истина не затмится».

«Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды и убоятся; ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся».

«Вострепещет судия, подписывая неправедный приговор, и его раздерет».

«Устыдится имеющий власть употреблять ее на удовлетворение только своих прихотей».

«Тайный грабеж назовется грабежом, прикрытое убийство—убийством».

«Убоятся все злые строгого взора истины».

А. Н. Радищев не допускает никаких запретов для печати. Например, о стеснениях в области религиозной он восклицает: «Если думаешь, что хулением Всевышний оскорбится,—урядник ли благочиния может быть за него истец?».

Далее, он так об'ясняет, почему правительства боятся свободы печати:

«До внутренности потрясенный вольнодумцем, простреть дерзкую, но мощную и незыбкую руку к истукану власти, сорвет ее личину и покров, и обнажит ее состав. Всяк узрит бренные его ноги, всяк возвратит к себе данную им ему подпору, сила возвратится к источнику, истукан падет. Но если власть не в тумане мнений восседает, если престол ее на искренности и любви общего блага возник,—не утвердится ли паче, когда основание его будет явно?».

Какие же средства могут быть употреблены против вредных мыслей?

А. Н. Радищев отвечает:

«Оставь глупое на волю суждения общего: оно тысящу найдет цензуров. Наистрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика».

В течение 70 лет А. Н. Радищев был первым и, можно почти сказать, последним защитником полной свободы печати. Даже дворянские революционеры, известные под именем декабристов, пошли назад против Радищева. И только уже в эпоху, когда пало крепостное право нашелся в России продолжатель мыслей А. Н. Радищева. Волею судьбы, это был опять саратовец, опять каторжник, великий писатель Николай Гаврилович Чернышевский.

Чернышевский отрицал всякие законы против печати.

Между Радищевым и Чернышевским, а также после Чернышевского, мы почти не встречаем, кроме разве М. Салтыкова, даже и среди писателей, защитников полной свободы печати.

Это понятно, поскольку сами писатели были людьми из господствующего класса, из дворянства или из буржуазии. В лучшем случае они допускали свободу печати «в пределах закона», то-есть в конце концов в пределах охраняющих интересы господствующих классов.

Ругали за строгость—когда цензура стесняла их самих.

Доносили за слабость—когда цензура пропускала другим что-нибудь, казавшееся вредным для дворянских интересов.

В наши дни, как мы видели, вся буржуазная печать восстала против проекта восстановить предварительную цензуру.

Но это еще вовсе не значит, что буржуазия стала защитницей полной свободы печати. Она стоит против предварительной цензуры, потому что цензура стеснительна и для буржуаз-

ной печати. Но она стоит за то, чтобы были законы, ограничивающие свободу печати, и чтобы за нарушение этих законов людей предавать суду.

В 1906 году кадеты внесли в первую Гос. Думу законопроект о печати, который справедливо тогда же был назван «каторжным законопроектом».

По этому законопроекту сохранялась в силе знаменитая 129 статья (потом кадеты несколько смягчили эту статью).

Если бы А. Н. Радищев написал свою книгу в наши дни и коснулся бы в ней капиталистических порядков, как он когда то коснулся порядков крепостнических, то не миновать бы ему и теперь путешествия в Сибирь, даже в том случае, если бы у власти стало буржуазное «министерство общественного доверия».

12/X—29/IX, № 7.

ОБХОД ЛЕВОГО ФЛАНГА.

В истории борьбы за власть между землевладельческим дворянством и буржуазным блоком развертывается новая страница. Уволен министр внутренних дел Щербатов и на его место назначен крайний правый Хвостов. Домогательства блока потерпели крушение. Но этим еще не все сказано. В борьбе политических партий за власть бывают иногда интересные случаи, так сказать обходных движений. Оппозиция, надеясь подладиться к верхам, до крайности суживает программу своих требований. Тогда старая власть берется сама проводить в жизнь требования оппозиции и тем вырывает из-под ног противника почву для агитации. Тотчас по вступлении в министерство Хвостов опубликовал основы своей будущей политики. И его речи невольно наводят на мысли, что правительство сейчас предпринимает именно обходное движение. Хвостов обещает быть если не либеральнее блока, то и не хуже его. «Я—человек твердый,—заявил он,—твердый человек не боится уступок: он дойдет до 99 процентов, а затем скажет: стоп». Другими словами Хвостов как бы говорит буржуазии: «я сумею осуществить 99 процентов требований вашего блока, а один последний процент оставляю себе. Этот процент—власть; она должна остаться в старых руках». Отношение Хвостова к отдельным вопросам подтверждает мысль, что он назначен именно для обходного движения против

оппозиции: по большинству вопросов он идет в ногу с либералами. Либералы выставили требование смягчить национальные стеснения,—Хвостов проповедует терпимость ко всем народностям, населяющим Россию, и единение всех народностей именует «священным настроением». Либералы кичатся деятельностью городского и земского союзов, а Хвостов отвечает: «я с ужасом думаю, что вышло бы из всего этого дела (ведущегося союзами), если бы оно целиком было поручено чиновникам»,—но... эти союзы не должны вести борьбу за власть. Либералы говорят о расстройстве хозяйства и транспорта, а Хвостов смотрит дальше вперед и уже озабочен тем расстройством, которое наступит по окончании войны. Много бы еще можно было привести примеров, когда Хвостов повторяет или даже превосходит требования либералов. Не отстает он от них и в вопросе об отношении к рабочим, но об этом мы будем говорить в особой статье. Затем Хвостовым выдвигаются против блока два козыря. Он упрекает блок в том, что в его программе забыто о борьбе с дороговизной и борьбе с «немецким засильем». Хвостов обещает проявить в этих двух вопросах самую энергичную деятельность. Он готов на все, на все уступки, кроме отдачи власти в руки буржуазии, да еще вопрос об амнистии он обходит молчанием. Если бы правительство действительно захотело и сумело осуществить то, что обещает новый министр, то, в самом деле, осталась бы на мели буржуазная оппозиция, так далеко шагнувшая вправо, что Хвостову ничего не стоило предпринять обходное движение с левого фланга. Мы сказали «если бы правительство захотело». Дело в том, что от слов еще очень далеко до осуществления. Россия знает и «пропавшую грамоту» 17 октября и избирательный закон в Гос. Думу, тоже пропавший 3 июня 1907 г. Тем больше права имеет она сомневаться в осуществлении обещаний, данных новым министром. И потому речи Хвостова интересны не столько в смысле каких-нибудь надежд, сколько в качестве любопытного эпизода из истории борьбы за власть между двумя имущими слоями населения России.

19—6/X, № 8.

НОВЫЙ МИНИСТР О РАБОЧЕМ ВОПРОСЕ.

«У нас вся деятельность министерства внутренних дел по отношению к рабочему вопросу сводится к невероятным крайностям. В этой области практикуются либо совершенно ненужные и даже вредные репрессии, которые только раздражают массы и не приносят никаких результатов, кроме отрицательных, либо в той или иной степени прикрытая, а иногда и откровенная зубатовщина»... Мы не решились бы, из опасения подвести редактора под уголовное преследование, перепечатать эти резкие слова, если бы они не были произнесены новым министром внутренних дел Хвостовым. В другой статье мы уже говорили, что программа Хвостова в общем является по отношению к буржуазному блоку обходом левого фланга. Чтобы видеть, каково это обходное движение в вопросе о репрессиях против рабочих, приводим соответственное место из программы блока. § 8 этой программы гласит: «восстановление деятельности проф. союзов и прекращение преследования представителей рабочих в больничных кассах по подозрению в принадлежности к нелегализованной партии, восстановление рабочей печати». Заметьте: по вопросу о репрессиях блок высказался против преследования только членов больничных касс, только по подозрению их в принадлежности к партии. А Хвостов осуждает огулом всю деятельность министерства внутренних дел за «невероятные крайности», за «ненужные и вредные репрессии», за зубатовщину. Прибавьте к этому, что у либерального блока не повернулся даже язык говорить что-либо против усиленных и чрезвычайных охран, от которых больше всего страдают рабочие, а Хвостов говорит: «Я категорически заявляю, что я решительный враг всяких и усиленных и чрезвычайных положений». Правда, блок требует амнистии, хотя и с оговорками, а Хвостов об амнистии умалчивает. Но так как в амнистии нуждаются именно жертвы «невероятных крайностей», «ненужных и вредных репрессий», зубатовщины, усиленных и чрезвычайных охран, то простая логика обязывает Хвостова, если он говорит серьезно, немедленно приступить к осуществлению амнистии, зато протест Хвостова против «невероятных крайностей» и против охран является, если так можно выразиться, амнистией вперед по многим делам, по которым рабочие подлежали бы ссылке и аресту даже при полном осуществлении программы блока. Программа блока,

как мы видели, говорит еще о проф. союзах и о рабочей печати. Хвостов о рабочей печати не упоминает, но высказывается вообще за свободу печати; а так как рабочая печать больше всего страдает от мер, предпринимаемых в порядке усиленной и чрезвычайной охраны, то ясно, что в вопросе о рабочей печати новый министр не отстает от блока. Что же касается профессиональных союзов, то «против порабощения» капиталом Хвостов считает необходимым «содействие развитию и процветанию проф. организаций, в особенности рабочих» (Р. В.). По изложению в «Русском Слове» министр сказал: «Я искренний сторонник проф. рабочих организаций. Вне политической подоплеки такие организации будут только на пользу государственному устроению России... Пусть они развиваются на здоровых основах и будут проникнуты здоровым национальным чувством и идеей величия России». Здоровыми основами министр считает отсутствие связи проф. союзов с социал-демократической рабочей партией. Но эта связь неизбежно будет, ее не может не быть. Следовательно, существование союзов не будет прочным, по программе Хвостова, однако и программа блока не дает никаких гарантий прочности. Связь союза с партией будет, конечно, по прежнему устанавливаться охранными отделениями,—порядок не изменится. Но пока суд да дело, рабочим необходимо немедленно уже приниматься за восстановление профессиональных союзов,—ну хотя бы для проверки на деле, насколько серьезны обещания нового министра. Что касается кооперативов, то Хвостов считает «необходимым содействие их процветанию», а программа блока—принятие законопроекта о кооперативах (без обозначения, каков будет этот законопроект). И здесь программа Хвостова по сравнению с программой блока не хуже. Мы видели выше, что Хвостов осуждает зубатовщину. Что такое зубатовщина? Коротко говоря, это—провокаторское заигрывание с рабочими для полицейских целей. Когда обещания по отношению к рабочим действительно проводятся в жизнь то они, конечно, не могут считаться зубатовщиной. Многие из обещаний Хвостова могут быть осуществлены им в ближайшие дни. Поживем—увидим.

19—6/X, № 8.

САМОЗВАННЫЕ ПРОКУРОРЫ

В буржуазных газетах появилось воззвание, подписанное Плехановым, Алексинским, Бунаковым, Авксентьевым, Дейчем, Вороновым и другими. Говорить об этом воззвании в целом и нет возможности, да, пожалуй, что и не стоит: в нем лишь повторяется то, что мы уже более года читали в буржуазных изданиях всех оттенков. Мы остановимся здесь лишь на одной частности, имеющей, однако, большое значение для рабочих. Сами авторы воззвания признают, что в настоящее время предприниматели в сношениях с рабочими блюдут свои интересы ничуть не меньше, чем во всякое другое время. Авторы воззвания делают уступку своим старым, ныне уже полузабытым взглядам, когда говорят, что рабочие будут правы, возмущаясь поведением хозяев. Но далее Плеханов и компания спешат убедить рабочих воздержаться от отстаивания своих интересов теми способами, которые обычно находятся в распоряжении пролетариата. Отстаивание рабочими своих интересов и сохранение ими своей старой тактики авторы воззвания презрительно называют вспышко-пускательством, тактикой анархической. Но они идут и дальше. Не очень давно мы рассказывали, как министры Шаховской и Щербатов завели речь об излишних арестах рабочих, и как охранные отделения ответили, что арестуются будто бы только рабочие, подкупленные германцами. Плеханов и его друзья не говорят прямо того, что ответили министрам охранные отделения; но они тонко намекают, что германцы «радостно приветствовали бы», «готовы были бы оказать поддержку» и т. д. Во всяком случае в данном вопросе честь первенства и смелости принадлежит не авторам воззвания. Осенью прошлого года охранное отделение пыталось организовать процесс против пяти рабочих депутатов Гос. Думы по обвинению их в государственной измене. Обвинение это не удалось, измены не нашел даже суд. Но прошлогодняя попытка охранного отделения, повидимому, осталась не без влияния на Плеханова с товарищами. Уже в письме к Бурьянову Плеханов писал, что «голосование с.-д. фракции, согласно с всегдашней ее тактикой, было бы изменой по отношению к народу». А теперь авторы воззвания с Плехановым во главе пишут, что всякое «вспышкопускательство» «по своему значению равнялось бы измене». Такого толкования понятия измены до сих пор кажется

ни в одной стране не делали правительственные прокуроры. И в новом понимании «измены» заключается все то смелое и новое, что сумели сказать самозванные прокуроры, подписавшие возвание.

26—13|X, № 9.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В №№ 1 и 2 вашего журнала напечатаны статьи Валентина С. о продовольственном вопросе. Грустно было читать эти статьи в рабочем журнале. Автор повторяет в них то, что писалось в изданиях буржуазных, да и это повторяет с опозданием, когда даже буржуазные газеты, которые поприличнее, пошли дальше.

Например, разве хоть одна серьезная, даже буржуазная, газета станет теперь уверять, будто дороговизна происходит только от «бессистемного управления и хаотического состояния нашего рынка» или только от «расстройства транспорта и безумной спекуляции?»

Ведь и сам Валентин С., цитируя буржуазные газеты, говорит против себя. Оказывается, например, что в Саратовской туб., всегда раньше вывозившей хлеб, теперь хлеба не хватает. Почему? Вероятно, потому же, почему нет его и в другом месте, на которое указывает Валентин С.: «нет совершенно рабочих, поля без призора, некому сеять».

Прямой недостаток продуктов признается и более серьезной буржуазной печатью. Какой же следует вывод? Ясно, что только один: сделать, чтобы поля не остались без призора, чтобы было кому сеять. Этого вывода, конечно, не делает либеральная печать: и это понятно. Но что в рабочей газете за либеральной печатью следуют даже и в этом вопросе—это очень грустно и недопустимо.

Вместо возвращения «призора полям» Валентин С. агитирует за кооперативы и продовольственные рабочие комитеты, которые будто бы смогут разрешить продовольственный вопрос. Самодеятельность масс—хорошая вещь. Более того: она первое дело. Но не нужно обманывать масс, призывая их к делу явно безнадежному, так как никакие комитеты не добудут хлеба, когда «поля без призора» и «некому сеять».

Валентин С. далее повторяет либеральный лозунг о власти, пользующейся доверием страны. К этому лозунгу присоединились, как известно, и Гос. Совет, и с'езд об'единенного дворянства. Валентин С. попал, таким образом, в благородное общество,—с этим можно его поздравить. Но ведь у либералов ясно и откровенно проявилось уже стремление возродить крепостное право, закрепостить вновь рабочее население на манер аракчеевских поселений. Для этого им и нужно больше всего министерство, пользующееся «доверием». Насколько после этого уместно повторять либеральный лозунг в рабочей газете?

Мих. Степанов.

20—7|II, № 5. «Прикуб. Степи».

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА.

Давно ли казалось, что крепостное право навеки похоронено,—что отошли в область невозвратного прошлого и принудительный, и подневольный труд, и торговля людьми, и обмен их на борзых щенков, и аракчеевские военные поселения, оставившие по себе недобрую память. Все это казалось, но—не то вышло.

Наше время трудно было бы назвать иначе, как—эпохой возрождения крепостного права. Подневольный труд применяется все шире, а труд вольнонаемный,—действительно вольнонаемный,—пока еще оставлен только на долю женщин, стариков и подростков. Но процесс закрепощения, раз начавшись, не может, конечно, остановиться.

И что важнее всего, проповедь закрепощения исходит у нас в России от либеральных представителей финансового капитала и от либеральных аграриев, которые в Госуд. Думе образовали, так называемый, прогрессивный блок (на самом же деле—черносотенно-кадетский блок).

Принудительный труд, вместо вольнонаемного, был первоначально, осенью 1916 года, введен в Германии. И наша либеральная печать справедливо называла это нововведение возрождением крепостного права.

Но вслед за этим думский кадетско-черносотенный блок вынес резолюцию по продовольственному вопросу, и в этой резолюции проектировал передачу в полное распоряжение

помещичьих земств—рабочих дружин, военнопленных и солдат для обработки помещичьих полей.

Вслед за тем в «Русских Ведомостях» Петр Струве выступил с проектом милитаризации всей России, то есть, обращение всей страны в одно сплошное аракчеевское поселение. Проект Струве находится в полном соответствии с продовольственной резолюцией думского блока. И «Русские Ведомости» вполне присоединились в этом отношении к проекту Струве.

После того вопрос обсуждался в продовольственной комиссии «рабочей» группы петроградского военно-промышленного комитета. Эта группа, как известно, задалась целью—привлечь пролетариат к политике кадетско-черносотенного блока. И вот, она, в соответствии с проектами блока и Петра Струве, вынесла резолюцию, требующую «всестороннего вмешательства государства в хозяйственную жизнь страны».

Таким образом, борьба за возрождение крепостного права началась по всей линии, от черносотенцев, входящих в думский блок, вплоть до петроградской группы военно-промышленного комитета.

Было бы грубой ошибкой думать, что либеральные проекты возрождения крепостного права вызваны только войной, и аракчеевщина, если она войдет в жизнь, будет отменена по заключении мира. Нет, господствующие классы никогда и нигде не отказывались добровольно от своих приобретений.

Опыт показывает, что на теперешней стадии технического развития, крепостной труд дает предпринимателям очень хорошие барыши, а война эти барыши еще увеличивает. Как же можно рассчитывать, что либералы сами себе нанесут удар добровольной отменой нового крепостного права?

М. Степанов.

20—7/II, № 5—8. «Прикуб. Степи».

НЕДОСЕВ И СЕЛЬСКИЕ ХОЗЯЕВА. [1])

Вопрос о «недосеве» и о падении хлебной продукции страны стал очередной проблемой нашего тыла. И немудрено. Подобно тому, как всякое количество может перейти в качество, наша дороговизна уже перешла в «продовольственный вопрос», а по-

[1]) Статья искажена «редактированием» Суханова.

следний ныне готов перейти в проблему добывания насущного хлеба для самих обитателей житницы Европы. Официальными органами,—земствами, ведомством сельского хозяйства, Гос. Думой,—зарегистрировано резкое падение нашего сельского хозяйства и сокращение посевных площадей. По данным ведомства земледелия недосевы на 1916 год определились по отдельным районам такими цифрами: [1])

Осталось незасеянной % обычной площади.

в Донской обл.	37	в Астраханск. г. (Чернояр. у.).	50
» Самарской губ. (Новоуз. у.).	23	» Ставропольской губ. . . .	26
» Саратовск. губ. (Камыш. у.).	23	» Харьковск губ. (Купянск. у.).	35
» Саратовск. губ. (Царицин. у.).	50	» Полтавск. губ. (Полтавск. у.).	38
» Воронеж. губ. (Богучар. у.).	33	» Екатериносл. губ. (Алекс. у.).	40
» Воронежской губ. (Новохоперский у.)	25—33	» Херсонск. губ. (Тирасп. у.).	43
		» Таврич. губ. (Симфероп. у.).	50

Следующая сплошная область недосева отмечена в юго-восточной России и в Приуралье—в Оренбургской губ. до 20%, а в Пермском Зауралье до 40%.

Как видим, речь идет о крайне сильном подрыве производства, отмеченном официальными данными по всей земледельческой России.

Относительно причин недосева встречаются следующие указания: сокращение сельско-хозяйственного кредита Государственным Банком и банками коммерческими, опасение реквизиции по ценам ниже издержек производства, неблагоприятная погода в конце лета 1915 г. (дожди затянули уборку), недостаток рабочего скота вследствие мобилизации, наконец, недостаток наемных сельско-хозяйственных рабочих («рабочих рук») и повышение заработной платы («цен на рабочие руки»). Как видит читатель, недостаток рабочих и повышение заработной платы,—вовсе не единственная причина недосева Что же касается заработной платы, то о повышении ее можно судить разно. Например, «цены на рабочие руки» в Николаевском уезде, Самарской губернии, по словам корреспондента «Русских Ведомостей», установились «небывало высокие»: в июне, во время сенокоса платили мужчине 2 р., а женщине 1 р. 20 к.; во время жнитва цены поднялись: мужчине до 2 р. 50 к. и женщине до 1 р. 50 к. Может быть, читатель найдет, что такие цены вовсе не высоки

[1]) См. „Торг.-Пром. Газета“, № 25 за 1916 г.

для моментов исключительного напряжения,—для жнитва и сенокоса,—но, очевидно, сельские хозяева и либеральная газета держатся иного мнения...

Известия о недосеве, как мы видели, идут, главным образом, из губерний многоземельных,—южных, ю овосточных, восточных и сибирских; оттуда же идут и самые настойчивые жалобы на недостаток наемных рабочих и на повышение заработной платы. Начинается изыскание способов к привлечению рабочих. Иногда проекты носят вполне определенный характер: привоз китайцев и корейцев (с'езд землевладельцев Николаевского у. Самарской губ и самарское губернское земское собрание), требование доставить пленных и т. п.; в Крыму, по газетным известиям, «возник даже своеобразный план прикрепления рабочих к хозяину» (Р. В. 10 дек. 1915 г.). Но значительно чаще проекты и резолюции говорят о мерах, которые соответствуют,—по крайней мере по внешности,—запросам более прогрессивным: «об'единение сельских хозяев», «организация рабочей силы», «снабжение населения рабочими руками» и т. п.; сверх того, очень распространено требование увеличить отпуск пленных на сельско-хозяйственные работы.

Автору настоящей статьи случилось присутствовать на с'езде сельских хозяев уезда, сильно пострадавшего от недосева. И думается, что читателю не безинтересно будет ознакомиться с тем конкретным содержанием, которое заключается в таких формулах общего характера, как «об'единение сельских хозяев» или «организация рабочей силы», когда эти формулы исходят от хозяев.

С'езд, о котором идет речь, состоялся в гор. Покровске, Новоузенского уезда, Самарской губернии; но по характеру своих суждений и по составу участников, он имел далеко не одно только местное значение. Напротив, он должен быть признан крайне характерным для всей современной постановки в нашем обществе вновь возникшей всероссийской экономической проблемы С этой современной ее постановкой мы вполне можем ознакомиться по нижеследующему описанию с'езда в бывшей Покровской Слободе

После первого информационного доклада руководителя самарской земской статистики, известного Г. И. Баскина, второй докладчик, киевский профессор Кованько, говорил о позиции сельско-хозяйственной России при заключении мира с Герма-

нией: нужно требовать уничтожения германцами хлебных пошлин и вывозных свидетельств, а потому сейчас нужна «война до конца, во что бы то ни стало, во имя экономической борьбы». Речь профессора имела шумный успех. В ответ на аплодисменты председатель собрания, профессор Воблый, между прочим признался, что им, киевским профессорам, с самого начала войны было известно, что у германцев хлеба достаточно. Отмечаю это признание для сопоставления с кампанией либеральных газет по данному вопросу.

Свой собственный доклад проф. Воблый начал с указания на великое значение урожая для России: урожай является основой государственного бюджета, международного торгового баланса и спроса на продукты промышленности; забыл только указать на роль урожая в народном питании. Это отчасти случайность: привык человек говорить только перед городской буржуазной аудиторией. Но отчасти и не случайность: в дальнейшем изложении профессор выдвинул необходимость помощи «прежде всего крупным посевщикам». Только такие посевщики не ускользают из поля зрения представителя нашей науки; а для владельца тысяч десятин урожай, как основа личного питания, действительно не имеет значения. Крупным посевщикам проф. Воблый рекомендовал организоваться в сельские и волостные комитеты по обсеменению полей с уездным комитетом в центре, и с агентурами на местах выхода рабочих; задача комитетов, прежде всего, устранить конкуренцию между хозяевами при найме рабочих,—«гибельную для хозяев». Далее, для борьбы с недосевом желательна единая организация на весь пострадавший район. Но где достать «рабочие руки»? Прежде всего,—нашим пленным плохо живется в Германии, поэтому нужно принудить работать германских пленных. Трудоспособных беженцев нужно лишить пайка; создать уездные мастерские для починки машин (машинные товарищества); ввести общественные запашки; организовать рабочие дружины из учащихся, которые успели уже убедиться, что физический труд оплачивается выше интеллигентного; при уездных комитетах необходимы подвижные рабочие отряды; и вообще, должна быть организована «армия труда», подобно тому, как существует армия для борьбы с неприятелем.

Речь Воблого имела еще больший успех, чем речь Кованько.

Следующий докладчик, В. П. Милютин, несколько расхолодил настроение. Он говорил, что военнопленные уже почти использованы, и на них нечего особенно рассчитывать; их труд—подневольный, сопряженный с нежелательными репрессиями, «рабский»; беженцы—на 90% нетрудоспособны; можно надеяться только на вольных рабочих. Необходимо поэтому урегулирование рабочего рынка, так как беда не в недостатке рабочих вообще, а в дезорганизации найма. У нас уже имеются биржи труда; теперь образовалось всероссийское бюро труда земского и городского союзов; в местах найма сельских рабочих необходимо учредить отделения или конторы городских бирж труда.

Как я сказал, настроение с'езда определилось уже после профессорских докладов, но более яркую формулировку получило оно в докладе местного крестьянского (Дергачевского) сельско-хозяйственного общества. Дергачевцы жалуются, что ездили и в Петроград с хлопотами о доставлении «рабочих рук», но безуспешно. Пленные работают плохо; уходят с работ и, «к сожалению, безнаказанно»; представители военного ведомства, заведующие пленными, стоят на их стороне. Поэтому необходимо: 1) заведывание военнопленными передать в министерство земледелия; 2) создать для распределения их особый комитет из представителей от сельских обществ, кредитных товариществ и сельско-хозяйственных обществ; 3) для понуждения пленных к работе учредить специальные комитеты стражников; 4) за уклонение от работы ввести наказание военнопленных по законам военного времени.

Встреченный горячими аплодисментами огромного большинства собрания (человек около 300) доклад дергачевцев явился переходом от изложения взглядов наезжих горожан к высказываниям «людей земли», то есть к прениям. Первым говорил крестьянин Диденко, начавший речь с протеста против предложения проф. Воблого помогать в первую очередь только крупным посевщикам: мелкие хозяева, вследствие мобилизаций, также нуждаются в труде военнопленных, и профессор напрасно думает что «беднота все выносит на своем горбу». Далее Диденко жаловался на пленных.

— Против их нужны принудительные меры. У меня был один,—не работник, а нахлебник. Я работаю, а он еще спит: раньше восхода солнца не вылезет, а потом еще начнет умы-

ваться! Угроз не боится. Не работник, а мученье. Я жаловался уполномоченному, а тот меня же начал пушить в присутствии пленного...

После Диденко берет слово крупный помещик Петров:

— «Доклад дергачевцев—жизненный, правдивый. Исход для нас один—побольше военнопленных! Это важно для сбора хлебов не только на 1916, но и на 1917 год,—запашка под яровые у нас производится с осени. Были и у меня пленные господа австрийцы. Я говорю «господа», потому что не они у у нас, а я у них был в плену. Добыть пленных—полдела: нужно создать условия, чтобы они нас не об'едали. Военное ведомство требует для них мяса,—они у меня все мясо поели. Пришли оборванные, грязные. Я послал их в баню, а они и бани-то должно быть никогда не видали: залезли в чан (смех). Было у меня их 90 человек. Вижу: работа плохая. А прогнать—некому работать. Стал бить рублем: вместо 6 рублей в месяц платить 75 копеек в день. Стали было работать лучше; но потом прослышали, что плата у нас 3—4 рубля в день, и требуют прибавки. Я не мог увеличить плату, чтобы не внести разврата в другие хозяйства. Тогда они стали сказываться больными; пришлось каждый день возить в больницу по 20 человек, на двух фурах,—чего это стоит?—Раз меня не было на хуторе; возвращаюсь—30 австрийцев ушли; 12 вернулись, а 18—совсем ушли. Дети говорят, что приказчик их побил. Я этого не люблю, спрашиваю приказчика. Он об'ясняет, что они отказались работать, потому что в этот день именинник какой-то Франц Иосифович,—чорт его не видал! (Смех). Может быть и правда, одного побил,—не мог же побить всех! А ушли восемнадцать! Послал я за стражником—толку не вышло. Вдруг узнаю, что эти господа австрийцы уже работают у моего соседа. Я написал уполномоченному, что такие явления с пленными не допустимы: и с вольными рабочими это был вред, пленных уж нужно заставить. Уполномоченный ответил: вы плохо кормите. Пишу: приезжайте, посмотрите! Следовало бы военнопленных отдавать в распоряжение не военным уполномоченным, а людям земли, которые их и распределяли бы».

Сообщив далее, что уполномоченного по заведыванию австрийскими пленными крестьяне называют «австрийским уполномоченным», Петров долго еще говорил, при сочувственных возгласах слушателей, против этого уполномоченного. Но

последующие ораторы указывали, что уполномоченный исполнял только требования военного ведомства, и что нужно передать заведывание пленными в другие руки.

Своеобразные выводы сделали «люди земли» из некоторых указаний докладчика Милютина. Последний, как на явление отрицательное, указывал на репрессии против пленных, применявшиеся в Саратовской губернии. А у новоузенцев это лишь увеличило досаду на то, что у них с пленными обращались слишком гуманно. Указание же Милютина на то, что одними пленными да беженцами не восполнишь недостатка в пришлых рабочих, дало лишнюю опору лицам, агитировавшим в пользу принудительного труда киргизов.

Молодой крестьянин, повидимому, из небогатых, поставил вопрос: нельзя ли привлечь киргизов? Они хорошие работники, но бездельничают, не хотят наниматься. Нельзя ли их понудить, мобилизовать на работу к нам? Другой оратор подхватывает это предложение, указывая, что «киргизов миллионы, они ничего не делают: скотоводством заняты женщины. Нам нужно мобилизовать их»,—закончил оратор (Крики: правильно! Очень горячие апплодисменты).

Крестьянин Попов, отвечая на предложения докладчиков, признал полезность комитетов для найма сельско-хозяйственных рабочих,—но как их устроить?

— Вольные рабочие нарушают договор. Киргиз тоже: захотел—и бросил работу. Сельско-хозяйственные рабочие должны быть приравнены к казенным рабочим и подвергаться ответственности за уход. У нас есть губернаторский циркуляр, где этот вопрос разрешен. Вздумал у меня однажды киргиз-пастух оставить место. Я к урядннку. Тот пригрозил тремя месяцами тюрьмы, и киргиз остался. А не пригрози урядник,—еще двое собрались было уходить. На русских же рабочих я пробовал составлять протоколы,—никакого наказания за уход не было. Необходимо обязать рабочих не переходить от одного хозяина к другому.

Другие ораторы, более интеллигентные, старались установить то положение, что опасность от недосева является государственной опасностью, а потому государство обязано дать рабочие руки,—все равно какие, на достаточный срок и немедленно, при чем необходимо изыскать меры принуждения рабочих. Первое из этих положений вошло и в резолюцию, приня-

тую с'ездом: ожидаемый громадный недосев «угрожает государственной обороне», и государство должно «принять неотложные меры».

Относительно резолюции по рабочему вопросу нужно сказать, что выработана она была во время перерыва наиболее интеллигентными членами с'езда, с участием профессоров Воблого и Кованько. Задачей составителей резолюции было найти способ, с одной стороны, удовлетворить собрание, а с другой остаться в пределах приличия перед посторонней публикой, перед будущими читателями резолюции. Именно этой задачей и об'ясняется, что, например, в резолюции о военнопленных не говорится ни о запрещении им умываться, ни о праве приказчиков на кулачную расправу с ними. Вместо этого говорится об учреждении сельских, волостных и уездных комитетов по обсеменению, в задачу которых входит и «распределение» пленных, а затем—о передаче пленных из военного ведомства в ведомство министерства земледелия (оно, дескать, стоит ближе к сельскому хозяйству), а также о том, чтобы «обратить внимание на повышение производительности труда пленных» [1]) (очевидно, подразумевается дергачевский проект особых команд стражников).

Вместо закрепощения киргизов в проекте резолюции говорилось лишь об учреждении бирж труда в местах их найма. Эта формула вызвала протесты, как недостаточная. Предложено было вставить: «принять меры к мобилизации киргизов».

Тут один земский гласный, лично не заинтересованный, как посевщик, возразил:

— Это значит возродить крепостное право!

Поднялся шум. Собрание, очевидно, обиделось. Горячо аплодировали возражению:

— Это—не крепостное право, а государственная необходимость, в виду особых условий момента!

У лиц, предлагавших принудительные работы или «мобилизацию труда», не являлось мысли, что в первую очередь такой «мобилизации» во имя «государственной необходимости» должны бы подвергнуться, по Новоузенскому уезду, сами же новоузенские хозяева. Как-то само собой разумелось, что «мо-

[1]) В резолюции, напечатанной в местной газете, этой фразы уже не оказалось.

билизация» должна быть произведена среди посторонних лиц, где-нибудь за пределами уезда, а мобилизуемые должны поступить в распоряжение хозяев этого уезда.

Вопрос о киргизах вызвал оживленный обмен мнений. Кто-то сказал: «заплатите им хорошо, киргизы и сами явятся». Но этот голос потонул в дружных криках о необходимости принудительного труда. Председатель собрания профессор Воблый, верный задаче сохранить внешнее приличие, предложил формулу: «принять меры к привлечению киргизов к сельскому хозяйству». За эту формулу, скрывающую от постороннего взгляда сущность дела, но понятную участникам с'езда, встало подавляющее большинство собрания.

Проявилось на с'езде и оппозиционное настроение новоузенских хозяев. По их мнению, высказанному в резолюции, упорядочение сельского хозяйства и устранение недосева было бы облегчено «осуществлением неотложных реформ в областях государственной и общественной жизни на бессословных началах и привлечением к управлению лиц, облеченных доверием населения».

Любопытно, что после всех крепостнических речей, которые встречали сочувствие блльшинства собрания, с'езд неожиданно принял предложенную И. И. Пустовойтовым резолюцию,— просить Гос. Думу о скорейшем внесении законопроекта об охране труда рабочих, занятых в сельском хозяйстве. Что разумел с'езд под «охраной труда»? Боюсь, что многие участники с'езда, по примеру дергачевцев, представляли себе эту охрану в виде особых команд стражников, предупреждающих переход рабочих от одного хозяина к другому. Во всяком случае, принятие этой резолюции лишь усиливает несоответствие между действительными желаниями с'езда и его резолюциями. Резолюции пишутся для публики; а для начальства посылается в Петроград особая депутация, которая негласно выскажет там действительные пожелания хозяев.

А между тем наступает время ярового сева. Озимый недосев будет не удвоен, а по меньшей мере утроен. Ибо яровой сев преобладает в южных и юго-восточных земледельческих областях, а факторы недосева за зиму значительно усилились... Что же сделано, что делается и что может быть вообще сделано для предотвращения тех опасностей, какие каждому из нас казались невероятными еще год назад? Нашим официаль-

ным органам принадлежит честь констатирования настоящего положения вещей. Но и самые искусные административные меры были бы бессильны против такого рода экономических явлений... А наша «общественность»... мы только что видели, куда направляет она взоры, о чем она мечтает, чего жаждет в час испытания... Придется и недосев считать явлением «стихийным», не подлежащим устранению до лучших дней.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От автора 3

«Под старым знаменем», Саратов, 1916 г.

Первые итоги 9
Облетели цветы 21

«Прилив», Москва, начало 1917 г.

Планы русских либералов 27

«Голос Печатного Труда», Москва, 1916—1917 г.

Дороговизна 63
Что будет? 65
Вопрос о заключении мира 67
Дороговизна 69
Выборы в Петроградское страховое присутствие . . 71
Либеральный блок и рабочий вопрос 72
Интересное разоблачение 74
Борьба за крепостное право 75
Еще о закрепощении 77
Государственный Совет о рабочих 79
В Государственной Думе 80
Хорошая компания 83
Кто лучше? 84

«Наша Газета», Саратов, 1915 г.

Передовица 87
Об ответственности 88
Из-за чего шум 88
В тот самый момент. 90
Ответственный момент 90

Стр.

В среде московской буржуазии 91
Роспуск Государственной Думы 93
Рабочие и военно-промышленные комитеты . . . 94
Новые взгляды 95
Бездомные 97
Прошлое и настоящее 99
Обход левого фланга 101
Новый министр о рабочем вопросе 103
Самозванные прокуроры 105

«Прикубанские Степи», Екатеринодар, начало 1917 г.

Письмо в редакцию 106
Возвращение крепостного права 107

«Летопись», Петроград, начало 1917 г.

Недосев и сельские хозяева 108

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Коммунистического Университета им. Я. М. СВЕРДЛОВА

Правление и склад: Москва, М. Дмитровка, 6.

Телеф. №№ 5-68-57 и 3-04-87 (торг. сектор).

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ: ЦЕНА.

ЛЕНИНСКАЯ УЧЕБА—№ 4—5. Орган Правления и Бюро ячейки ВКП(б) Коммун. Ун-та им. Я. М. Свердлова . 1 р. — к.

Михалевский.—История денег и кредита. Хрестоматия . . 1 » 60 »

Кон.—Финансовый капитал. Популярный очерк с прилож. карты раздела капиталист. мира . . . . . 1 » 25 »

Ванаг.—Финансовый капитал в России накануне мировой войны 2-ое издание . . . . . 1 » 20 »

Ронин.—Иностранный капитал и русские банки, с предисловием **Крицмана** . . . . . 1 » 30 »

Позняков.—Квалифицированный труд и теория ценности Маркса. II дополн. и исправл. издание . . . 1 » 25 »

Морозов и Юньев.—Хрестоматия по эконом. географии, под ред. **Баранского** Вып. I. Методология и мировое хозяйство. Допущено ГУС'ом . . . . . 2 » 65 »

Основы советской экономической политики. Пособие для комвузов, вузов и совпартшкол. под ред. **В. Милютина** . . . 3 » — »

Келен-Фрид.—Учебник немецкого языка для начинающих взрослых. Допущено ГУС'ом . . . . . 1 » 60 »

Брауншгейн.—Классовая борьба. Немецк. хрестоматия. 3-е стереотипное изд. Одобрено и рекоменд. ГУС'ом . 2 » 25 »

Лабораторный план.—Методика и задания:

1) Экономическая география. Мироведение .— » 50 »

2) Русский язык . . . . . .— » 25 »

3) Математика. Физика. Химия. Биология .— » 75 »

4) Партстроительство. Истмат . . . . .— » 40 »

Рындич.—Лабораторный план и коммунистич. воспитание .— » 55 »

В помощь совпартшколам и школам взрослых. Вып. IX. Сборник под ред. **А. П. Милютина** . . . . . 1 » 60 »

Как работать с книгой.—III перераб. изд. под ред. **М. Н. Лядова.** .— » 70 »

Коллектив преподав. Коммун. Ун-та им. Я. М. Свердлова—Русский язык в школах взрослых. Сборник методических статей, под ред. **Никифорова**. . . . . 1 » 50 »

Вопросы преподавания исторических дисциплин.—5-я методич. конференция преподавателей СПШкол. Доклады и выступления . . . . . 1 » 40 »

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Морозов и Юньев.—Хрестоматия по экономич. географии. Вып. II. Народное Хозяйство СССР.

Стенные таблицы правописания слов и знаков препинания.—Пособие для совпартшкол, общеобразовательных школ и кружков взрослых. Составлены **Д. Н. Введенским.**

Ц. Фридлянд.—Ж.-П. Марат до Великой Французской Революции. Исторический очерк.

Покровский, М. Н.—Внешняя политика России XX века. Лекции, читанные в Коммун. Ун-те им. Я. М. Свердлова.

15780

ЦЕНА 1 Р. 15 К. (Р.)

ИЗД-ВО ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА
Я. СВЕРДЛОВА